Тема: Геополитическое соперничество США и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе в 2020-х гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....2
Раздел 1. Индийско-тихоокеанский регион как региональный актор.....4
1.1. Методологические подходы к изучению Индийско-Тихоокеанского региона.....4
1.2. Индийско-Тихоокеанский регион как глобальный актор.....14
Раздел 2. Сотрудничество и соперничество США и КНР в Индийско-Тихоокеанском регионе.....28
2.1. Политика США в ИТР.....28
2.2. Политика КНР в ИТР.....49
2.3. Возможно ли сопряжение интересов США и Китая в ИТР?.....49
Заключение.....50
Список использованных источников и литературы.....51

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Индийско-Тихоокеанский регион - один из наиболее динамичных развивающихся регионов, где сосредоточены экономические, военные и геополитические интересы глобальных акторов.

Индийско-Тихоокеанский регион можно рассматривать как концепцию, в центре которой находятся национальные государства Юго-Восточной и Восточной Азии, и как фундаментальную особенность новых политических и стратегических государственных образований, возникающих в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Национальные государства в Тихом и Индийском океанах стали важными акторами международных отношений в стратегической конкуренции между многочисленными и разнообразными государствами в обоих океанах за установление экономических, дипломатических и инфраструктурных связей и обеспечение объективных национальных интересов путем размывания старых политических географических границ.

Объект исследования – Индийско-Тихоокеанский регион (далее – ИТР).

Предмет исследования – геополитическое соперничество США и Китая в Индийско-Тихоокеанском регионе.

Цель исследования – изучить особенности геополитического соперничества США и Китая в Индийско-Тихоокеанском регионе в 2020-х гг.

Для достижения заявленной цели необходимо решить, следующие задачи:

– изучить методологические подходы к исследованию Индийско-Тихоокеанского региона;

– рассмотреть Индийско-Тихоокеанский регион как глобальный актор;

– определить основы политики США в ИТР;

– исследовать политику КНР в ИТР ;

– определить возможно ли сопряжение интересов США и Китая в ИТР.

Написание работы включает следующие методы исследования: теоретические (классификация, синтез, анализ), обобщения.

Структура работы обусловлена объектом, предметом, целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников.

Введение раскрывает актуальность, определяет степень научной разработки темы, цель, задачи и методы исследования.

В первой главе раскрывается Индийско-тихоокеанский регион как региональный актор.

Вторая глава посвящена анализу основ сотрудничества и соперничества США и КНР в Индийско-Тихоокеанском регионе.

В заключении подводятся итоги исследования, формируются окончательные выводы по рассматриваемой теме.

РАЗДЕЛ 1. ИНДИЙСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ АКТОР

1.1. Методологические подходы к изучению Индийско-Тихоокеанского региона

Понятие «Индийско-Тихоокеанский регион» хорошо известно. Это название, данное океанографами океаническому пространству от восточного побережья Африки до вод Малайского архипелага и до западной границы условной восточной тропической зоны Тихого океана. Этот район включает только тропические воды и является единым экорегионом, характеризующимся особой флорой и фауной, не встречающейся в умеренных районах или других тропических экорегионах [20, с. 68].

Применяя генеалогический подход, в этом разделе мы надеемся осветить динамику силы и знания, управляющую развивающимся геополитическим пространством, называемым Индийско-Тихоокеанским регионом. Государства реагируют на подъем Китая, объединяя различные силы в регионе с помощью выраженной лингвистической срочности. Это служит укреплению существующих союзов (надежные отношения с Соединенными Штатами), а также укреплению связей, особенно между другими государствами-членами QUAD (Бисон и Ли-Браун (должно быть на языке оригинала), 2021 г.). Таким образом, видно генеалогию в действии, поскольку государства выражают свои благие намерения, оправдывая использование своей силы на благо мира с помощью концепции Индийско-Тихоокеанского региона. Изучая использование этого термина, можно достичь лучшего понимания геополитической борьбы. Это использование обусловлено соображениями безопасности государств, обеспокоенных усилением влияния Китая в регионе. Чтобы понять использование этого конкретного термина, необходимо проанализировать и контекстуализировать речи и заявления лидеров США, Японии, Австралии, Тайваня и Индии. Во

многих случаях Китай не упоминается явно, а только косвенно, поскольку государства обеспокоены тем, что Китай может стать более агрессивным. Необходимо создать единый фронт, чтобы уравновесить мощь Китая. Этот единый фронт составляют государства Индийско-Тихоокеанского региона. Таким образом, этот термин используется государствами для формирования союза, наделенного общей идентичностью. Таким образом, государства создают язык, чтобы подчеркнуть свою борьбу за выживание против предполагаемого врага. Постструктурная перспектива дает уникальное понимание этого процесса [15].

Движущим фактором для развития термина Индийско-Тихоокеанский регион является геополитический. Он подчеркивает конфликт интересов и влияния, используемый для продвижения добрых намерений для достижения политической цели, что приводит к фундаментальной трансформации, в данном случае к более здоровой и секьюритизированной Азии. Движимые чувством незащищенности, государства надеются оттеснить или наказать, говоря языком Фуко, Китай за его возросшее и явно негативное влияние в международной системе по двум причинам. Во-первых, это хищническое кредитное поведение Китая, продемонстрированное его инициативой «Один пояс, один путь» [15].

Инициатива «Один пояс, один путь» планирует объединить большую часть Индийско-тихоокеанского пространства через Центральную и Юго-Восточную Азию, Африку и Европу. Во-вторых, наращивание военной мощи Китая в регионе, в частности его стратегия строительства островов в Южно-Китайском море, а также строительство иностранных баз в Восточной Африке и вдоль побережья Индийского океана.

Стратегия Китая «Жемчужная нить» имеет важное значение, поскольку описывает стратегию создания и поддержания центров в таких государствах, как Пакистан, Оман, Йемен, Джибути, Шри-Ланка, Бангладеш, Сингапур и Мьянма [15].

Термин «Индийско-Тихоокеанский регион» является ответом на эти

события, поскольку государства заботятся о своем выживании, основанном на свободных и открытых торговых путях в Тихом и Индийском океанах. Мотивация – защита статус-кво от вызова Китаем однополярному порядку Америки. Тогда возникает желание сформулировать стратегию, чтобы уравновесить или противостоять мощи и влиянию Китая. Таким образом, Indo Pacifc надеется организовать государственную власть для достижения этой цели. Отслеживание начала термина необходимо для генеалогических изысканий.

Первым, кто использовал название «Индийско-Тихоокеанский регион» в геополитическом смысле, был Гурприт Кхурана, индийский капитан ВМС в отставке. Он опубликовал статью «Морская безопасность: индийско-японская перспектива» в журнале Strategic Analysis в январе 2007 г., в которой в первых строках представил новую геополитическую концепцию. Термин «Индийско-Тихоокеанский регион « относится к морскому пространству, включающему Индийский океан и западную часть Тихого океана. Прибрежными государствами этого региона являются страны Азии (включая Западную Азию/Ближний Восток) и Восточной Африки» [15].

Индийско-Пацифика или Индийско-Тихоокеанский регион – находящийся в становлении географический и функциональный международно-политический регион, который в последние несколько лет подряд всё более прочно закрепляется в дискурсе ведущих держав мира. Ввиду новизны концепции, а также различий в мотивации государств, являющимися основными «строителями» данного трансрегионального пространства, до сих пор не сложилось единой трактовки того, что же всё-таки представляет собой Индийско-Пацифика и каковы цели переосмысления уже устоявшегося в глобальном дискурсе представления об Азиатско-Тихоокеанском регионе. Государства продолжают выдвигать собственные трактовки и видения того, что должна включать в себя Индийско-Пацифика как с точки зрения географических границ, так и с точки зрения её «идейного» содержания, норм и правил поведения в его перспективных границах [15].

Термин «Индийско-Тихоокеанский регион» (ИТР) встречался в индийских научных работах по общественных наукам еще с 2000-х годов. В частности, в 2007 г. его употреблял индийский исследователь Г.С. Кхурана в своей работе, посвященной аспекту экономической безопасности в сотрудничестве Индии и Японии. В понятие «Индийско-Тихоокеанский» он включил морское пространство, объединяющее Индийский океан и западную часть Тихого, причем в числе прилежащих к нему государств автор обозначил все азиатские (вплоть до Ближнего Востока) и даже североафриканские. В качестве связующих элементов Г.С. Кхурана выделил энергетические пути. В некоторых работах он называется едва ли не автором указанного термина, несмотря на его заимствование из другой научной области [15].

Что касается оценок других индийских ученых, Р. Бхатиа и В. Сакхуджа называют термин «ИТР» более «достоверным и современным» в сравнении с традиционным концептом «АТР». Первоосновой для такого сдвига, по их мнению, также послужилисоображения, связанные с военно-морским фактором. В то же время, в самой Индии встречаются и критики нового подхода, которые указывают на ряд противоречий внутри Индийско-Тихоокеанской стратегии Нью-Дели: в частности, при ориентации Индии на США и региональные державы страна стремится сохранить диалог с Пекином [15].

По оценкам П. Чако, переход определения «Индийско-Тихоокеанский» из научной плоскости в область политического дискурса приходится для Индии на 2011 г. Премьер-министр М. Сингх употреблял его в отношениях не только с США и их непосредственными союзниками в регионе, но и со своими партнерами из АСЕАН23. Его преемник Н. Моди также продолжает пользоваться этим понятием в своих речах. Однако если для риторики М. Сингха было характерно употребление определения «ИТР» как простой терминологической рамки, то Н. Моди пошел в этом отношении несколько дальше, продолжив концептуализацию понятия. Под этим, в частности, имеется в виду «Индийско-Тихоокеанская инициатива», выдвинутая

индийским премьером на полях Саммита стран Восточной Азии в 2019 г. Идея также была сконцентрирована на понятиях стабильности и безопасности в регионе, причем фокусировалась именно на морском компонент [15].

На правительственном уровне термин «Индийско-Тихоокеанский», (яп. Индийско-тайхэйе:) начал применять С. Абэ во время своего первого премьерского срока (2006-2007 гг.). Смысловое содержание термина, как отмечали В.С. Васильев и К.О. Чудинова, было обусловлено стремлением Токио противостоять растущему влиянию Пекина.

Тогда же в качестве практической реализации концепции «свободного и открытого» Индийско-Тихоокеанского региона выделился Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности (англ. Quad) в первой своей итерации с участием Индии, США, Японии и Австралии. Он был создан на основе Трехстороннего формата 2002 г., к которому присоединился Нью-Дели. Тем не менее, уже через год уход С. Абэ с поста премьера, смена правящей партии в Австралии и внутренние проблемы Индии спровоцировали сворачивание деятельности Quad (которая в практическом ключе уже успела воплотиться в военно-морские учения) [15].

В документе Фонда стратегических исследований (Франция) отмечалось, что концепт ИТР пережил бурную эволюцию в японской политической практике в 2010-е гг. В 2012 г. Абэ, не употребляя термина «Индийско-Тихоокеанский», в одной из своих статей постулировал неотделимость мира, свободного судоходства и стабильности в Тихомокеане от аналогичных принципов для Индийского океана. В 2013 г., во время одного из выступлений в США, Абэ уже использовал соответствующее прилагательное [15].

2016 г. ознаменовал новый этап внедрения термина на правительственном уровне: С. Абэ объявил о принятии концепции «Свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского региона» (англ. ФИОП, Free and Open Indo-Pacific). В «синих» книгах по дипломатии отношения Японии с соседними странами традиционно рассматриваются во второй главе,

однако с 2018 г. уже в первой главе добавляется раздел, посвященный соответствующей стратегии. Принципиально терминологический сдвиг приходится на 2010-е годы. Например, в «синей» книге по дипломатии Японии 2008 г. (и нескольких последующих редакциях) использовано словосочетание «Азиатско-Тихоокеанский регион», однако с 2011 г. оно заменено на вариант «Азия и Океания» [15].

Нельзя не отметить роль японских политологов в формировании наполнения термина «ИТР». В целом данный подход основан на ценностном, неолиберальном взгляде. Среди ключевых составляющих В. Нике, сотрудница Японского института международных отношений, выделяет приверженность стран ИТР верховенству права, транспарентность (в том числе и в оборонительной политике), невмешательство во внутренние дела других государств, уважение суверенитета и пр. Кроме того, постулируется и наличие в АТР интересов третьих сторон, под которыми подразумевается не только США, но и Европейский союз [15].

К. Кога, ассистент Наньянского технологического университета (Сингапур) уточнял, что Япония, поддерживая концепцию ИТР, наряду с формированием нового регионального порядка стремится к обеспечению собственной безопасности. Реализацию такого политического вектора предполагалось проводить, прежде всего, через укрепление связей с США, а во-вторых, за счет более тесных контактов с их союзниками по региону (Индией и Австралией). В то же время автор называет сам концепт «Свободной и открытой Индийско-Пацифики» «неоднозначным», «двусмысленным», в то же время, допуская, что за счет этой характеристики Япония сохраняет определенную гибкость в отношениях с другими странами ИТР [15].

М. Камия, профессор Национальной академии обороны Японии, отмечал, что еще в Стратегии национальной безопасности страны от 2013 г. употреблялся «традиционный» термин «Азиатско-Тихоокеанский». Тем не менее, с точки зрения содержания. В целом можно сделать вывод о большой

значимости морского и конкретно военно-морского (англ. maritime) компонента в понимании термина «Индийско-Тихоокеанский». Это обусловлено в первую очередь интересами ключевых держав региона. Так, для Индии и Китая оказывается важным превосходство на океане. В этом плане наблюдается определенная преемственность с геополитическими концепциями прошлого, в частности, с концепцией Н. Спикмана [15].

Анализируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что термин «ИТР» является в большей степени политическим конструктом. Как ни парадоксально, наличие Китая (несмотря на то, что и политологи, и сами внешнеполитические деятели старательно избегают слова «враг») становится объединяющим фактором для стратегий четырех рассматриваемых стран. Противостояние происходит на идейном уровне: речь идет о конкуренции проектов. Со стороны Китая это «Один пояс, один путь», Сообщество единой судьбы и ВРЭП, со стороны США и их союзников – ИТР и (уже в меньшей степени, после выхода из него Вашингтона) ТТП [15].

Амбиции КНР в Южно-Китайском море, обозначенные пресловутой «девятипунктирной линией», экономическая активность КНР в сопредельных и дальних государствах встречают активное противодействие США и их союзников. При этом, как подчеркивал Д.В. Мосяков, наличие России в регионе оказывается практически пренебрежимым в раскладах американских экспертов по Азии, несмотря на участие страны в экономических процессах в нем, а также вовлеченность в архитектуру региональной безопасности52. Несмотря на это, Ю.В. Морозов считает принятие Индийско-Тихоокеанской стратегии вызовом не только для КНР, но и для России с учетом наличия у РФ определенных военных позиций в Тихом океане, а также стратегических интересов в Центральной Азии [15].

Индийско-Тихоокеанский регион является самым быстрорастущим регионом в мире. Он предлагает множество возможностей в таких областях, как торговля, исследования, производство и образование. Стабильность в этом регионе является залогом развития мировой экономики и международной

безопасности. И она играет ключевую роль в определении курса двадцать первого века.

Возникновение Индийско-Тихоокеанского региона также сопровождается вновь возникшей напряженностью и системными противоречиями. Возникновение более напористого авторитаризма является движущей силой таких трений и представляет собой наиболее серьезную проблему.

Выйдя из пандемии COVID-19, авторитарные режимы теперь более убеждены в том, что их альтернативная модель управления лучше адаптирована, чем либерально-демократический порядок.

Государства Индийского и Тихого океанов чувствуют общую угрозу со стороны Китая и вырабатывают общую идентичность для создания альянса. Однако об этих угрозах прямо не говорят, а говорят имплицитно, иногда даже не называя Китай по имени, предпочитая лишь описывать конкретные признаки, очевидные для большинства изучающих регион. Соединенные Штаты считают, что Соединенные Штаты бросают вызов их либеральному порядку. Индия и Австралия ощутили на себе негативные последствия противодействия Китаю. Япония, государство, которое создало этот термин в геополитическом смысле, считает, что оно является следующим в списке объектов вторжения после Тайваня. Индийско-Тихоокеанский регион пытается сблизить эти государства, чтобы уравновесить агрессивный Китай. Сами по себе эти государства могут чувствовать себя менее могущественными, но вместе они могут обеспечить некоторый баланс в регионе. Таким образом, генеалогически Индийско-Тихоокеанский регион имеет основополагающее значение для акторов, стремящихся к обеспечению безопасности в регионе, которые воспринимают Китай как экзистенциальную угрозу своим интересам с точки зрения выживания. Ясно, что государства полагаются на восприятие, опираясь на язык чрезвычайной ситуации и экзистенциализма, а не на поведение в области безопасности, ожидаемое реализмом. Таким образом, альянсы – это не просто механизм, который

государства используют для обеспечения безопасности, но и отражение процесса создания идентификации [25, с. 171].

Правила 3 и 4 Фуко также связаны с этим, поскольку Китай и союзные державы борются за влияние в Индийско-Тихоокеанском регионе. Например, Закон США о строительстве прямо противоречит инициативе Китая «Один пояс, один путь». Этот закон был предложен администрацией Трампа по указанию госсекретаря Майка Помпео. Он заявляет: «Закон предоставляет американским компаниям возможность конкурировать за границей и создавать рабочие места у себя дома, что является важнейшим компонентом национальной экономической стратегии президента. BUILD укрепляет потенциал правительства США в области финансирования развития, предлагая лучшую альтернативу государственным инвестициям и продвигая наши цели внешней политики» (цитируется по Runde and Bandura 2018, CSIS). Государственные инвестиции здесь представляют собой прямой вызов китайской модели государственной экономической стратегии [15].

Прежде чем обсуждать процесс секьюритизации Индийско-Тихоокеанского региона, важно дополнительно применить и обобщить четыре правила генеалогии Фуко (постструктурная эпистемология) в отношении государства (реалистическая онтология) и концепции Индийско-Тихоокеанского региона как идентичности. Во-первых, нужно понять продуктивные намерения власти. Понятно, что Япония и США пытаются уравновесить экспансионистскую политику Китая в регионе. Это может обеспечить некоторую стабильность китайскому хищничеству в регионе. Однако в этом есть явное противоречие. По мере того, как государства пытаются уравновесить силы, они призывают к дальнейшим экспансионистским мерам в качестве средства противодействия первоначальной попытке уравновешивания [15].

Другими словами, когда государства пытаются защитить свои интересы от агрессивной державы, они провоцируют дальнейшее усиление своей власти. Это формирует квинтэссенцию дилеммы безопасности. Второе

правило Фуко изучает, как эта власть используется и институционализируется посредством языка. Термин «Индийско-Тихоокеанский регион» способен изменить и изменить поведение государства и подходы к внешней политике и привел к значительному увеличению присутствия власти в регионе. Сочетая эти два правила, QUAD может попытаться усилить свои собственные стратегии безопасности и развития в регионах, тем самым помогая слаборазвитым государствам в регионе. Понятно, что без подъема Китая державы QUAD могут не поддерживать интерес к этому конкретному региону [15].

Цель состоит в том, чтобы уменьшить экономическую зависимость от Китая. Чем более развитыми становятся менее развитые государства в регионе, тем больше вероятность улучшения условий жизни людей, поскольку основное внимание уделяется оказанию помощи и занятости тем, кто живет в развивающихся странах.

Иными словами, более продуктивные проявления политики великих держав двадцать первого века способствуют человеческому и экономическому развитию, и это отражает генеалогию. Таким образом, политико-экономические результаты являются не просто частью разрушительного соперничества великих держав, как в прошлом, но зависят от глобального лидерства, гегемонии и вопроса о том, кто может обеспечить развитие. Поскольку генеалогия изучает продуктивные аспекты деструктивных аспектов власти, цель состоит в том, чтобы проследить функцию власти, особенно ее стремление изменить человеческое поведение как часть экзистенциального процесса прогресса. В данном конкретном случае термин Индийско-Тихоокеанский регион имеет несколько внутренних функций.

Термин Индийско-Тихоокеанский регион относится к формированию общей идентичности для облегчения создания альянса. Альянсы имеют долгую историю, и их формулировка с использованием подхода Фуко может стать фантастическим генеалогическим проектом. Подача правильных сигналов является основным основополагающим аспектом, как это сделал

премьер-министр Абэ в 2007 г., описав долгую историю японо-индийских отношений, особенно в отношении ученых-националистов Вивеканды и Окакуры. Ничто так не движет альянсом, как близость угрозы, и развитие этих альянсов требует производительности. Поскольку альянсы являются формой внешней балансировки для достижения безопасности, то государства могут использовать язык, чтобы сигнализировать о своих конкретных проблемах безопасности. Создавая региональный комплекс безопасности и таким образом объединяя интересы безопасности, государства могут сосредоточить свои усилия на разработке политики, необходимой для достижения выживания [27, с. 75].

Таким образом, генеалогические исследования необходимы для понимания лингвистического компонента, производящего материальные результаты, т. е. внутреннего и внешнего баланса. Этот документ посвящен военным вопросам, а следующие статьи посвящены военной координации, рассмотрению военных учений QUAD в Индийско-Тихоокеанском регионе, а также расширению иностранных баз его государствами-членами. Соединяя воедино два великих океана, союз между Индией может также привести к твердому балансу сил в лагере КВАД и, возможно, удержать Китай от дальнейшей агрессии. Международная безопасность находится в центре этой политики, но из-за стратегии развития Китая «процветание» также находится в списке приоритетов для партнеров QUAD.

1.2. Индийско-Тихоокеанский регион как глобальный актор

Индийско-Тихоокеанский регион (ИТР) все чаще оказывается одним из наиболее распространенных понятий, используемых для характеристики и описания новых тенденций в современной мировой политике. Как географический термин, он призван обозначить границы формирующегося единого пространства. По своему содержанию оно представлено несколькими вариантами Индийско-Тихоокеанского свободного и открытого пространства

(IPSF), которые отражают видение региона различными акторами. Эти видения не всегда совпадают. В связи с этим вопрос об общих чертах, позволяющих говорить о существовании/создании целостного и значимого ядра видения Свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского партнерства (далее – ФИОП), несмотря на различия в национальных интерпретациях, имеет решающее значение. Во-первых, это касается четырех основных акторов, которые являются инициаторами и наиболее последовательными сторонниками Индийско-Тихоокеанской инициативы – США, Японии, Австралии и Индии. Сравнивая их подходы, мы уже можем говорить как минимум о трех ключевых столпах единой формирующейся концепции ФИОП [34, с. 111]:

– обеспечение мира и стабильности;

– утверждение и защита фундаментальных ценностей;

– укрепление сотрудничества и содействие экономическому развитию.

Исследование начинается с введения, в котором дается краткое обоснование важности проведения различия между ФОИП как географической концепцией и ФОИП как содержательной концепцией.

Индийско-Тихоокеанский регион (ИТР) все чаще становится одним из распространенных понятий, используемых для характеристики и объяснения новых тенденций в современной мировой политике. Как географический показатель, ИТР определяет новую, все более интегрированную структуру экономического пространства для мира XXI века, который быстро становится похожим на Средиземноморье в древности и Северную Атлантику в 19 и 20 веках. В то же время, как справедливо отмечает М. Бисон, как и другие способы мышления о региональном пространстве, эта концепция всегда была более тесно связана с политикой, чем с географией, и подразумевает особый подход к геополитическому и геоэкономическому порядку этого пространства. Как таковая, она объединяет континенты и моря Индийского и Тихого океанов «в единый континуум, в котором морские и региональные державы проецируют свои стратегические программы и цели, риски и

интересы, определяющие и формирующие национальную геополитику» [35, с. 53].

Таким образом, Индийско-Тихоокеанский регион одновременно укрепляет и отрицает географию: с одной стороны, он укрепляет географию, соединяя Индийский и Тихий океаны, помещая в центр региона удаленные Соединенные Штаты и их региональных и морских азиатских союзников, а с другой стороны, он отрицает географию, маргинализируя географически централизованный Китай.

Индийско-Тихоокеанский регион остается спорным и как географический термин, и как содержательная концепция, но в последнем качестве он является предметом более актуальных дебатов. В данном случае она проявляется в виде различных вариантов «свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского региона», в которых выражается видение различными акторами региона, своего места в нем, путей его развития и стран, с которыми они хотели бы взаимодействовать для достижения своих целей. Степень сходства и согласованности, характеризующая эти видения, позволяет оценить возможность превращения ОМР в региональное пространство экономического сотрудничества и межкультурных обменов, реально соответствующее объективным процессам геоэкономической динамики, или новый географический театр стратегического соперничества и конкуренции [37, с. 44].

После трех «волн дискурса» с 2007 года Индийско-Тихоокеанский регион приобрел статус официального термина, принятого большинством акторов регионального пространства, определяемого этим термином. Появление термина «Индийско-Тихоокеанский регион» в официальных документах Японии, Индии, Австралии, США, АСЕАН, Великобритании, Франции, Германии, Европейского Союза и США свидетельствует о его официальном признании, но не без различий в понимании и интерпретации. До сих пор этот термин использовался для обозначения не пересекающихся, а иногда и расходящихся концепций, отражающих индивидуальное видение

желаемого регионального порядка.

Основные различия касаются:

а) определения границ пространственной протяженности и объема Индийско-Тихоокеанского региона;

б) основных целей, обуславливающих данный подход;

в) определения проблем и сфер деятельности, требующих повышенного внимания;

г) предпочтения двустороннего, мини– и многостороннего подходов к организации экономического сотрудничества и сотрудничества в сфере безопасности;

д) в основном вопроса о включении и исключении Китая.

Последнее остается наиболее спорным, так как МТА, очевидно, являются способом явного разрыва связей с Китаем в подходе США, но для многих других стран такой контраст далеко не приемлем. Тем не менее, ни один региональный игрок до сих пор не предложил адекватного ответа на все более тревожный рост Китая. В этой связи следует признать, что стратегия ФИОП в целом является инициативой, которая все еще находится на ранней стадии разработки и реализации, и в ней больше недостатков, которые необходимо исправить, чем приемлемых преимуществ. Ее дальнейшее развитие и содержательное наполнение будет определять результат взаимодействия с различными заинтересованными сторонами, вовлеченными в региональное развитие и развитие региона.

Ответ на вопрос о том, существуют ли, несмотря на различные национальные интерпретации инициативы Свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского партнерства (ФИОП) этими четырьмя акторами, общие черты, которые можно использовать для формирования общего ядра содержания, имеет решающее значение. Ответ в данном случае скорее «да», чем «нет». И тот факт, что один компонент концепции предпочитает один фактор (безопасность для США), а другой – другой (экономический для Японии, партисипативный для Индии), не исключает, как часто думают,

рождение коллективного подхода, а скорее способствует ему, примиряя возникающие на этом пути противоречия. Хотя за Индийско-тихоокеанскими инициативами могут стоять различные мотивы и интересы, участники признали необходимость и важность их «упаковки» в общее видение и последовательную стратегию. Теперь мы можем с определенным основанием говорить, по крайней мере, о трех ключевых столпах последовательной инициативы ПИИО [39, с. 50]. Этими тремя столпами являются:

а) обеспечение мира и стабильности;

б) создание и защита фундаментальных ценностей;

в) укрепление сотрудничества и содействие экономическому развитию. Приоритеты участников в отношении этих областей общих усилий могут различаться, как уже упоминалось, но практически никто не отрицает важности каждой из них.

Безопасность и обеспечение стабильного баланса сил до сих пор оставались в центре дискуссий вокруг ИТР. Основные задачи в области безопасности, которые ставит перед собой концепция ИТР каждой страны, включают укрепление национальной безопасности и обороны, обеспечение мира и стабильности, разрешение существующих конфликтов и предотвращение их насильственного разрешения, а также противодействие нетрадиционным угрозам, таким как терроризм и пиратство. Проблемы региональной безопасности наиболее очевидны в видении США, которое тесно связано с отношением и поведением Китая. Три ключевых измерения – готовность, партнерство и продвижение сетевого региона – являются основными измерениями Индийско-тихоокеанской политики с точки зрения Министерства обороны США. Под «готовностью» понимается всесторонняя военная модернизация для обеспечения долгосрочного влияния США в регионе. Под «партнерством» подразумевается укрепление существующей системы двусторонних военных союзов с азиатскими странами и расширение этой системы за счет более тесного сотрудничества со старыми и новыми партнерами». Продвижение сетевого региона' подразумевает укрепление

сетевой архитектуры безопасности для поддержания международного порядка, основанного на правилах [42, с. 141].

Однако это не означает, что вопросы безопасности, которые в той или иной форме часто ассоциируются с Китаем, не важны для многих других региональных игроков. Для Индии большее значение имеют пограничный спор вокруг Аруначал-Прадеш и «жемчужное ожерелье» Китая в Индийском океане; для Японии – спор вокруг островов Сенкаку/Дяоюйдао и военная деятельность Китая в Южно-Китайском море. Есть также претензии Индонезии на острова Натуна, споры за острова Спратли между Филиппинами, Вьетнамом, Малайзией и Брунеем, а также растущее участие Австралии в делах островных государств южной части Тихого океана. Это не позволяет рассматривать регион только в контексте китайско-американской конфронтации и взаимного сдерживания.

«Четверка» – это группа из четырех государств, возникшая как средство координации гуманитарных и чрезвычайных усилий после разрушительного цунами в Индийском океане в 2004 году, и ее часто называют одним из столпов новой архитектуры безопасности в ИТР. В 2017 году после длительного перерыва стороны решили возобновить ее деятельность и, в некоторых случаях, преобразовать ее в «четверку плюс» с добавлением Великобритании и Франции. Повысив в 2019 году уровень обязательств до министерского уровня, эта структура была определена как «слабая геополитическая коалиция стран, обеспокоенных потенциальными вызовами китайским интересам» и может составить институциональное ядро ФИОП [44, с. 158].

В то же время взаимодействие в сфере безопасности на двустороннем уровне усиливается. Индия стала важным элементом этих взаимодействий: в 2016 году Индия была признана ключевым оборонным партнером США; в 2018 году оборонное сотрудничество между двумя странами было повышено до постоянного диалога между министрами иностранных дел и обороны в формате 2+2. До этого в таком же формате проходили обмены между Индией

и Японией, а недавно аналогичная договоренность была достигнута с Австралией. В последние годы государства-партнеры по «Четырехугольнику» подписали ряд соглашений, направленных на расширение и повышение качества сотрудничества в сфере безопасности. Подобные соглашения были подписаны Японией и Индией в 2008 году и Индией и Австралией годом позже, а в период с 2016 по 2018 год между Индией и США был подписан ряд соглашений, способствующих повышению качества оборонного сотрудничества [46, с. 87].

К ним относятся Меморандум о логистическом обмене (LEMOA), который позволяет получить доступ к военным объектам друг друга для пополнения запасов и пополнения. Соглашение о совместимости и безопасности связи (COMCASA), которое облегчает доступ к передовым оборонным системам, и Соглашение о предоставлении общих товаров и услуг (ACSA), которое позволяет обмениваться поставками и боеприпасами. Индия также завершила или планирует завершить некоторые из этих типов соглашений с Австралией и Японией. Например, в 2018 году Индия начала переговоры с Японией по соглашению, которое позволит индийским ВМС иметь доступ к японской базе в Джибути. Взамен японские силы получат доступ к индийским военным объектам на Андаманских и Никобарских островах [47, с. 35].

В то же время возросло военное сотрудничество в форме совместных военно-морских учений, тренировок и операций. Наиболее значимыми из них являются учения серии MALABAR между Индией и США, начатые в 1992 году. Некоторые аналитики определяют эти учения как платформу для оборонных операций во всем Индийско-Тихоокеанском регионе с потенциалом повышения оперативной совместимости сил-единомышленников в морской сфере. Япония участвовала в учениях в 2007, 2009 и 2014 годах, а с 2015 года является их постоянным участником. Это, в сочетании с намерением расширить сферу охвата учений на кибер– и космическую области, делает их важным элементом региональной

коллективной безопасности. Между тем, в 2015 году в Бенгальском заливе прошли первые военно-морские учения Индии и Австралии AUSINDEX. Год спустя были проведены двусторонние учения сил специального назначения; в 2018 году Индия и Япония возобновили военно-морские учения JIMEX после пятилетнего перерыва. В том же году были проведены первые контртеррористические учения с участием японских Сил самообороны и индийской армии.

Помимо очевидной цели укрепления национальной безопасности, важной задачей военного, и особенно военно-морского, сотрудничества является продвижение и подтверждение фундаментальных, общепризнанных ценностей, включая верховенство закона и свободу судоходства на море. Первая, как отметил премьер-министр Японии Синдзо Абэ в 2014 году, заключается в том, что [49, с. 66]:

а) государства должны основывать свои претензии и объяснения на международном праве;

б) государства не должны использовать силу или принуждение при выдвижении таких претензий;

в) государства должны стремиться разрешать споры мирными средствами.

Принцип свободы судоходства, как он определен в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, включает «свободу передвижения судов, свободу бросать якорь в портах и пользоваться портами и гаванями, загружать и разгружать товары и перевозить товары и пассажиров». Одним из способов утверждения этого принципа в регионе являются операции США по обеспечению свободы судоходства (FONOPs) в Южно-Китайском море и ограничению претензий Китая, частота которых значительно возросла при администрации Трампа, а также приглашение других заинтересованных сторон (Великобритании) к их осуществлению. Конечным результатом в данном случае является так называемое «коллективное общественное благо на море (КОБМ)», обеспеченное «активными» военно-морскими операциями: от

борьбы с пиратством и терроризмом, поиска и спасения (SAR) до миссий по оказанию гуманитарной помощи и помощи при стихийных бедствиях (HADR).

До настоящего времени усилия в этом направлении основывались в основном на односторонних действиях США в рамках Инициативы по безопасности в борьбе с распространением (PSI), Региональной инициативы по безопасности на море (RMSI) и инициативы «Тысяча судов флота» (TSN), разработанной в 2005 г. Сегодня, как считают многие, региональным партнерам необходима большая поддержка CPGS, поскольку возможности США все более ограничены. Морская стратегия США 2007 года говорит об этом.

Важность укрепления нетрадиционного сотрудничества в сфере безопасности между региональными партнерами США отражена в ряде документов, начиная с австралийско-японского совместного заявления о сотрудничестве в сфере безопасности 2007 г., за которым последовали индийско-японское совместное заявление о сотрудничестве в сфере безопасности (2008 г.), совместное заявление об укреплении сотрудничества в сфере глобальной безопасности и австралийско-южнокорейское сотрудничество (2009 г.) и отражена в ряде документов (2009 г.) и отражены в ряде документов. Сфера и элементы сотрудничества в области безопасности, сформулированные в этих заявлениях, очень похожи, подчеркивая тот факт, что Япония, Австралия, Индия и Южная Корея хотят углубить партнерство средних держав. Последнее особенно важно, учитывая растущие сомнения в устойчивости и надежности региональной политики США при президенте Трампе [51, с. 176].

Экономическое развитие Во всех вариантах концепции ФИОП важное место занимает вопрос развития и расширения экономических обменов на двустороннем и групповом уровне, что считается ключевой предпосылкой для превращения Индийско-Тихоокеанского региона в устойчивую региональную систему. Этому способствует, во-первых, укрепление двустороннего экономического взаимодействия между потенциальными партнерами.

Примером такого взаимодействия, активно развивающегося в последние годы, являются отношения Индии и Японии: после подписания в 2011 г. Всеобъемлющего индийско-японского экономического партнерства (ВЭП) торговля между двумя странами стремительно расширяется. Токийская декларация об особом стратегическом и глобальном партнерстве между Индией и Японией (2014 г.) также способствовала росту экономического сотрудничества. В частности, Индия остается одним из основных получателей японской помощи в целях развития (ОПР).

Важной областью ФИОП, непосредственно связанной с экономическим развитием, являются индивидуальные и коллективные усилия по развитию инфраструктуры и связности. Японский подход основан на проекте под названием «Инициатива качественных инфраструктурных инвестиций», который реализуется с 2016 г. Его основная цель – повысить уровень финансирования некоторых высококачественных инфраструктурных проектов в Индийско-Тихоокеанском регионе. Это связано с тем, что, согласно японскому проекту, «качественная инфраструктура является основой для национального экономического роста», а «улучшение связи между странами и регионами является основой для глобального экономического роста».

В рамках инициативы «Партнерство для качественной инфраструктуры», принятой правительством Синдзо Абэ, Япония обязалась выделить 200 миллиардов долларов на проекты от Африки до южной части Тихого океана. Предлагаемые Японией проекты «качественной инфраструктуры» призваны предложить странам региона более справедливую, прозрачную, эффективную и устойчивую альтернативу китайским инфраструктурным проектам. Примерами таких проектов являются экономический коридор, связывающий Вьетнам, Лаос, Таиланд и Мьянму, и коридор между Хошимином на юге Вьетнама и Давеем в Мьянме. В то же время Япония работает над многосторонними инфраструктурными инициативами: в 2017 г. Японский банк международного сотрудничества (JBIC) подписал меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области

финансирования инфраструктуры с Корпорацией зарубежных частных инвестиций (OPIC) США. Будущие совместные проекты включают прокладку подводного кабеля, соединяющего Австралию, Папуа-Новую Гвинею и Соломоновы острова. В конце 2019 г. Япония также объявила о своем намерении участвовать в стратегии Европейского союза по обеспечению связности в Азии. В ноябре 2019 г. в кулуарах саммита АСЕАН Япония, США и Австралия объявили о запуске инициативы «Голубая точка». Это трехстороннее инфраструктурное сотрудничество делает упор на качество («мировой золотой стандарт»), прозрачность, устойчивость, участие частного сектора и избежание долгов, в отличие от аналогичных проектов, осуществляемых Китаем, которые критиковались, в частности, за создание долговых ловушек и нарушение всех вышеперечисленных критериев. Индия также является активным участником инфраструктурных партнерств в рамках Индийско-Тихоокеанской инициативы. Чаще всего Индия сотрудничает с Японией по соответствующим проектам в Индийском океане. Одним из наиболее важных является коридор развития Азия-Африка, разработанный в качестве альтернативы БРИ, а также коридор Север-Юг, соединяющий Индию с Россией и Ираном [53, с. 95].

Еще одним важным направлением стимулирования экономической активности в регионе является мобилизация частного капитала, а также государственные программы по расширению помощи в целях развития и изучению новых инициатив сотрудничества. Во время президентства Трампа был разработан ряд конкретных проектов, призванных укрепить роль США как донора помощи в Азии и предоставить альтернативу китайским инициативам в области развития. Закон BUILD (Better Utilization of Investment to Enhance Growth) и закон ARIA (Asian Guarantee Initiative) – два наиболее важных примера. Закон BUILD предусматривает создание в США Международной финансовой корпорации развития (IDFC) для координации кредитов развивающимся странам, особенно в Азии и Африке, и предоставления альтернативы «правительственным инициативам со

скрытыми условиями». Другие инициативы позволяют правительству ежегодно тратить до 1,5 млрд. долл. США на различные цели, связанные с ФИОП, такие как укрепление обороноспособности партнеров США и продвижение демократии.

Другие инициативы в области развития, такие как «Энергия для стимулирования развития и роста» (Asia EDGE) и Индийско-Тихоокеанский деловой форум (IPBF), повысили роль американских инвесторов в регионе в таких геополитически важных секторах, как энергетика и инфраструктура, и помогли привести политику правительства США и направленность американского бизнеса в более тесное соответствие с интересами правительства США. Еще один недавний проект, Сеть торговли и содействия инфраструктуре (ITAN), предназначен для поддержки региональных инициатив в области инфраструктуры и коммуникаций, создавая еще одну альтернативу БРИ для азиатских стран. ITAN призвана помочь азиатским партнерам в оценке экономического воздействия инфраструктурных мероприятий на экономику и окружающую среду, а также создать Консультационный центр по сделкам (Transaction Advisory Facility, TAF). Эта программа, названная «Тихоокеанское обещание», включает план удвоения финансирования развития стран Тихоокеанского региона со стороны правительства США в ближайшие годы. Она также включает в себя расширение присутствия Агентства США по международному развитию (USAID) в западной части Тихого океана. В то же время Азиатский банк развития (АБР) создал Тихоокеанский региональный инфраструктурный фонд США (PRIF), основной целью которого является содействие финансированию инфраструктурной деятельности в Тихоокеанском регионе. Наконец, новое партнерство Папуа – Новой Гвинеи в области электроэнергетики (PEP), в котором участвуют Австралия, Япония и Новая Зеландия, призвано радикально улучшить ситуацию с энергоснабжением страны. Япония также решила увеличить – в некоторых случаях значительно – финансирование экономических проектов в области развития в западной и южной частях

Тихого океана, Юго-Восточной и Южной Азии и Африке с 2016 г. в соответствии с приоритетами стратегии ФИОП [53, с. 96].

Однако следует признать, что термин Индийско-Тихоокеанский регион, хотя и не новый и не исключительно американский, является правильным выбором для определения обширного регионального пространства в меняющейся геоэкономической и геополитической среде. Раджа Мохан подчеркнул, что появление этого термина знаменует собой начало нового этапа. Вопреки «широко распространенному мнению о неизменности концепции географии», в действительности «политическая география меняется в зависимости от политических условий». Как и люди, говорит он, регионы рождаются, растут и умирают, и новые концепции появляются в Юго-Восточной Азии, Восточной Азии и Южной Азии. Аналогичным образом, Индийско-Тихоокеанский регион не призван полностью исключить Китай, но фактор растущей мощи и влияния Китая неизбежно влияет на содержательную интерпретацию и эволюцию этого понятия.

Хотя географические рамки Индийско-Тихоокеанского региона могут варьироваться от страны к стране, усилия по содержательному определению и конкретизации этой концепции привели к новому и согласованному геополитическому пониманию региона и сдвигу в сторону конкретных вариантов политики, рассматривающих два океана как единое пространство безопасности и экономического развития. Это понимание, представленное подходом Свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского региона (ФИОП), остается непоследовательным во многих конкретных аспектах и приоритетах. Однако столпы этой формулы – порядок, основанный на правилах со свободной торговлей и свободным судоходством, экономическое процветание через инфраструктурную связанность и гармонизацию глобальных стандартов и правил, а также мир и безопасность через усиление сотрудничества в сфере безопасности – получают все большее признание и поддержку.

РАЗДЕЛ 2. СОТРУДНИЧЕСТВО И СОПЕРНИЧЕСТВО США И КНР В ИНДИЙСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

2.1. Политика США в ИТР

В последнее время США активизировали дискуссию о концепции «Индийско-Тихоокеанского региона» (ИТР) и практических мерах по его формированию. Эти усилия следует рассматривать как попытку Вашингтона «перекроить» Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) для достижения своих геополитических и географических интересов. Важно напомнить, что Вашингтон принял эту идею в конце 2017 года, изложив на тот момент свое рамочное видение. Впоследствии при администрации Дональда Трампа были предприняты шаги по воплощению этой идеи в жизнь: 30 мая 2018 года министр обороны США объявил, что Тихоокеанское командование будет переименовано в Индийско-Тихоокеанское командование (хотя ранее зона ответственности сил по умолчанию включала Индийский океан). Несколько дней спустя на конференции «Диалог Шангри-Ла» (SLD) в Сингапуре глава Пентагона еще более уточнил концепцию ИТР, сделав акцент на аспектах региональной безопасности [35, с. 52]. Примерно полгода спустя, 4 ноября 2019 года, Госдепартамент США впервые опубликовал обобщающий документ под названием «Свободный и открытый Индийско-Тихоокеанский регион (FOIP)», в котором представлено всеобъемлющее и комплексное видение стратегии США в ИТР, с конкретной ссылкой в сфере безопасности на «китайские вызовы в Южно-Китайском море» против интересов США и союзников Угроза интересам США и союзников от «китайских вызовов в Южно-Китайском море» заявлена очень четко. Затем, в январе 2021 года, когда был избран президент США Байден, был обнародован ранее засекреченный документ «Стратегические рамки США для Индийско-Тихоокеанского региона». В документе открыто излагается усиление конфронтации с Китаем в военной и экономической сферах, а также

«стратегический подход США к Китаю», «стратегический план противодействия экономической агрессии Китая», «кампания США по борьбе с Китаем» и «стратегический план обращения США к китайскому народу». Основа принятых американских заявлений и программ была расценена многими экспертами как свидетельство продолжения дипломатии США в отношении Азии через партийные линии руководства страны [35, с. 52]. В то же время тема ИТР постоянно фигурировала в докладах о стратегии национальной безопасности США, последний из которых гласит, что «в Индийско-Тихоокеанском регионе разворачивается геополитическое соревнование между либеральным и репрессивным видением мирового порядка». Другими словами, концепция FOIP продолжает модернизироваться, уточняться и продвигаться в различных формах. На практике США реализуют свою стратегию FOIP в регионе через двусторонние отношения и через создание многосторонних форм сотрудничества. В его основе лежит QUAD, который якобы направлен на «объединение» «четырех демократий» Индийско-Тихоокеанского региона - США, Японии, Австралии и Индии. Члены QUAD демонстрируют единство, рассматривая два океана как единое стратегическое пространство. Вашингтон явно проявляет все больший интерес к Индии и рассматривает ее, наряду с Японией, Австралией и другими союзниками, как один из «верных» полюсов США в будущей региональной безопасности. Хотя США утверждают, что не намерены создавать «азиатское НАТО», в центре которого будет стоять антикитайская направленность, некоторые недавние дипломатические события свидетельствуют об обратном. Например, в совместном заявлении, опубликованном после американо-японской встречи по иностранным и военным делам по формуле «два плюс два» в январе 2022 года, «приветствуется более активное участие европейских партнеров и союзников в делах Индийско-Тихоокеанского региона», в котором содержится значительная ссылка на ЕС, НАТО и Трехсторонний альянс [35, с. 53].

Приверженцев классического геополитического подхода не оставит

равнодушными аргумент о том, что своей стратегией в ИТР США преследуют цель сдерживания Китая и создания вокруг него жестких «рамок» (морских и сухопутных), одновременно стремясь проникнуть вглубь Евразии. В документе Госдепартамента MIP Россия также упоминается в прямо негативных выражениях. В контексте активизации региональной стратегии США возрастает необходимость внимания к стратегическому партнерству России и Китая. В контексте создания механизмов безопасности и сотрудничества в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе это касается, в частности, сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), механизмов, связывающих ЕАЭС и китайскую инициативу «Один пояс, один путь», а также последовательной реализации российского Большого евразийского партнерства (БЕП) [35, с. 53].

Вполне понятно, что вместо Азиатско-Тихоокеанского региона была предложена идея нового субрегиона - Индийско-Тихоокеанского региона (ИТР) или «Индийско-Пасифик». Естественно, США не хотели мириться с потерей своей лидирующей позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе в начале 2000-х годов. В основном это было связано с тем, что США больше не могли обслуживать свой собственный государственный долг без заимствования средств у КНР, которая стала крупнейшим в мире кредитором и держателем американского долга.

Китай также превзошел США по темпам роста ВВП в промышленном и экономическом секторах (таблицы 1 и 2).

Таблица 1 – ВВП наиболее крупных стран мира, в 2021-2022 гг., %[1]

Страны	Изменение ВВП в % к предыдущему году	
	2021 г.	2022 г.
США	3,5	6,4
КНР	2,3	8,5
Индия	7,0	9,5

[1] Составлено автором по: [35].

Япония	4,7	2,8
Россия	3,1	3,0
Бразилия	4,3	3,0

Таблица 2 – Рейтинг экономик мира в 2021-2022 гг., по данным ООН[2]

Рейтинг	Экономика	ВВП (млрд.долл.)
	Весь мир	85 804 390,60
1	США	20494100,00
2	Китай	13608151,86
3	Япония	4 970 915,56
4	Германия	3 996 759,29
5	Великобритания	2 825 207,95
6	Франция	2 777 535,24
7	Индия	2726322,62
8	Италия	2073901,99
9	Бразилия	1868626,09
10	Канада	1712510,03
11	Россия	1657553,77

Сегодня Америка не в состоянии сравниться с Китаем по экономической мощи. Их государственный долг составляет 24 триллиона долларов и раздулся до 28 триллионов долларов при администрации Трампа, который объявил об оптимизации социально-экономической сферы США. Байден заявил о намерении занять еще 1,9 триллиона долларов. Таким образом, общий долг США сейчас составляет 70 трлн.долл. Бывший конгрессмен США Рон Пол заявил в интервью CNBC, что США находятся на грани «катастрофического финансового кризиса» из-за лопнувшего долларового пузыря.

США готовы блокировать китайские инвестиции, но не могут конкурировать с Китаем. На 35-м саммите АСЕАН (Индийско-Тихоокеанский деловой форум) в Таиланде, официальной целью которого является

[2] Составлено автором по: [35].

«продвижение высококачественных и надежных стандартов развития глобальной инфраструктуры в Индийско-Тихоокеанском регионе и во всем мире», был объявлен глобальный инфраструктурный проект «Blue Dot Network», его официальная цель заявлена как «продвижение высококачественных и надежных стандартов в развитии инфраструктуры в Индийско-Тихоокеанском регионе и во всем мире».

Проект будет осуществляться при содействии Корпорации частных зарубежных инвестиций США (OPIC), Министерства иностранных дел и торговли Австралии (DFAT) и Японского банка международного сотрудничества (JBIC). По замыслу американских властей, сеть «Голубая точка» будет представлять собой систему рейтингов и сертификации дорог, портов и мостов, особенно в Индийско-Тихоокеанском регионе. Однако инвестиции OPIC в размере 23 миллиардов долларов в странах мира не увеличились. Однако глобальный инвестиционный портфель OPIC в размере 23 млрд. долл. не сопоставим с инвестициями Китая в «Один пояс - один путь» (90 млрд. долл.) за последние пять лет. Интересно, что Индия не участвует в сети «Голубые точки», и в этом отношении ИТР, похоже, затормозился. Индия активно пытается утвердиться в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии [35, с. 54].

США активно работают над устранением конкурирующих экспортеров нефти и газа, поскольку санкции США и ЕС против Ирана заблокировали экспорт иранских углеводородов в Индию. По данным Делового совета США-АСЕАН, США ежегодно экспортируют на рынки АСЕАН товаров и услуг на сумму более 100 миллиардов долларов США; страны-члены АСЕАН вместе являются четвертым по величине экспортным рынком для американских товаров после Канады, Мексики и Китая, а США - четвертый по величине торговый партнер АСЕАН. В их отношениях есть также политические и военные элементы. США пытаются создать буферную зону между Россией и Китаем путем усиления своего влияния в Индии, которая является членом ШОС (продвигаемой Российской Федерацией), а Индия использует новейшее

российское оружие. Кстати, страны Юго-Восточной Азии также активно покупают российскую военную продукцию (самолеты, подводные лодки, винтовки и автоматическое оружие).

США также стремятся использовать индийско-китайскую напряженность, используя Индию для подрыва Китая в качестве балансирующей оси средних держав, отмечая, что ИТР примерно совпадает с зоной ответственности Тихоокеанского командования США. Как отмечают эксперты, в странах Юго-Восточной Азии нет явного лидера, и АСЕАН координирует свои возможности на основе принципов равенства и инклюзивности. В настоящее время страны Юго-Восточной Азии имеют оптимальную структуру транснационального сотрудничества в рамках этого объединения и вряд ли будут стремиться к ее воссозданию под эгидой инициаторов ИТР (США, Индии, Японии и Австралии). Однако Индонезия, четвертая по численности населения страна в мире и неофициальный лидер Юго-Восточной Азии, похоже, имеет лидерские амбиции, которые более или менее симпатизируют идее ИТР [35, с. 55].

Еще одним направлением концепции ИТР является военная оборона субрегиональных стран в случае угрозы. Если обратиться к истории и вспомнить формирование гражданских и военных блоков в Южной и Юго-Восточной Азии (СЕНТО, СЕАТО, АНЗЮС и т.д.), то можно увидеть, что они были недолговечны и неэффективны. Чтобы получить полную и всестороннюю картину развития Юго-Восточной Азии, мы сначала проанализируем экономическое сотрудничество Юго-Восточной Азии с Китаем, США, Индией и Российской Федерацией, а затем обратимся к характеристикам человеческих ресурсов региона. Китайская Народная Республика активно участвует в экономическом сотрудничестве с АСЕАН. В то же время Китай обогнал Канаду и стал крупнейшим торговым партнером Соединенных Штатов. Китай также является крупнейшим торговым партнером Социалистической Республики Вьетнам и вторым по величине экспортным рынком для СРВ после США, а Вьетнам - крупнейшим

торговым партнером Китайской Народной Республики в АСЕАН [35, с. 55].

Если проанализировать, куда США экспортируют и импортируют, можно получить представление о наиболее важных торговых партнерах США. Другими словами, крупнейшими экспортерами товаров из США в 2022 году являются Канада, Мексика, Китай, Япония, Великобритания, Германия, Южная Корея, Нидерланды и Бразилия - в этом списке нет стран Юго-Восточной Азии; крупнейшими торговыми партнерами по импорту США в 2022 году являются Китай, Мексика, Мексика, Канада, Япония, Германия, Вьетнам (на 6-м месте, единственная страна Юго-Восточной Азии), Южная Корея, Швейцария и Ирландия, в то время как на другие страны Азии приходится 2,13% от общего объема. В рамках укрепления региональной стратегии США усиливается внимание к китайско-российскому стратегическому партнерству. В контексте евразийских и азиатско-тихоокеанских механизмов безопасности и сотрудничества ключевыми вопросами являются взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), механизмы, связывающие ОУР и китайскую инициативу «Один пояс, один путь», а также последовательная реализация российского Большого евразийского партнерства (БЕП) [35, с. 56].

Индийско-тихоокеанская стратегия США (ИТП), принятая 11 февраля 2022 года, появилась одновременно с совместным коммюнике встречи министров иностранных дел QUAD в Мельбурне во время визита госсекретаря США Блинкена в Австралию и Республику Фиджи. Доклад Госдепартамента США «Свободный и открытый Индийско-Тихоокеанский регион: продвижение общего видения» (4 ноября 2019 года) и «Набросок стратегии США для Индийско-Тихоокеанского региона» (май 2021 года), которые были разработаны де-факто, показывают преемственность внешнеполитических усилий нынешней и предыдущих администраций США [36, с. 57].

Наиболее очевидным свидетельством этой преемственности является то, что они по-прежнему намерены сохранить Китай в качестве одного из центров. В стратегии говорится, что Китай, стремясь стать сильнейшей

сверхдержавой мира, прилагает все свои силы для завоевания сфер влияния в Индийско-Тихоокеанском регионе, где «китайская неуступчивость и агрессия проявляются наиболее ярко». Авторы документа добавляют, что США «не намерены менять Китай», а будут лишь формировать региональную «стратегическую среду» в свою пользу и придерживаться политики «одного Китая» (несмотря на поддержку Тайваня). Однако это не меняет явного антикитайского тона документа. Как говорится в стратегии, США будут преследовать пять целей: продвижение свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского региона, создание взаимосвязей внутри региона и за его пределами, обеспечение регионального процветания, укрепление безопасности Индийско-Тихоокеанского региона и региональной устойчивости к транснациональным угрозам [36, с. 57].

Среди прочего, стратегия (целью которой является построение «внутрирегиональных и внешних отношений») призывает к углублению связей внутри пяти региональных альянсов США - Австралии, Японии, Южной Кореи, Филиппин и Таиланда - и включает Индию, Индонезию, Малайзию, Монголию, Новую Зеландию, Сингапур, Тайвань, Вьетнам и тихоокеанские острова.

Мы должны признать избирательный подход США. Например, Пакистан, Шри-Ланка и Мьянма, имеющие тесные связи с Китаем, не включены в число запрашиваемых партнеров; как и в стратегии на 2019 год, вновь подчеркивается «центральная роль АСЕАН в архитектуре ТРИПС» и «работа с АСЕАН для повышения ее устойчивости как ведущей региональной организации». Однако признание ответственности организации в этом качестве явно неоднозначно, поскольку в списке региональных партнеров отдельно упоминаются страны АСЕАН и только «изучается возможность работы КВАД с АСЕАН».

Как вы знаете, на саммите АСЕАН в июне 2019 года была одобрена перспектива АСЕАН в отношении Индийско-Тихоокеанского региона. В документе упоминается ведущая роль АСЕАН, «центральность,

инклюзивность и взаимодополняемость» и ее вклад в «продвижение экономических обменов в ИТР». Между тем, российская дипломатия также продвигает тезис о центральной роли АСЕАН в формировании универсальной системы безопасности в АТР, но явно вкладывает в это собственное содержание. Это свидетельствует о необходимости уточнения концепции «центральной роли» АСЕАН в региональных делах с российской, а не с американской точки зрения [36, p. 58].

В новой стратегии США также говорится, что они хотят развивать отношения с «союзниками и партнерами за пределами региона», в частности с ЕС и НАТО, для «согласования подходов, реализации инициатив и повышения эффективности» сотрудничества. В новом стратегическом документе вновь подчеркивается важность сотрудничества для построения «процветающей экономики», в которой США играют «решающую» роль. Учитывая подъем Китая и усиление экономической конкуренции, США четко предлагают странам региона «Индийско-Тихоокеанскую экономическую рамочную программу - многостороннее партнерство для 21 века». Однако эта последняя инициатива ИТР все еще остается абстрактным выражением.

Аналогичная стратегия от 4 ноября 2019 года включала более детальную разработку механизмов торгово-экономического сотрудничества с конкретными проектами и бюджетами. По всей видимости, эта новая стратегия США сигнализирует о намерении США заменить Транстихоокеанское партнерство (ТТП), из которого США вышли при администрации Трампа. Однако новая концепция пока является наброском, и ее успех далеко не гарантирован, тем более что инициативу в этой области проявляет Китай.

Новая стратегия США в области ИТР включает план действий, который будет реализован в ближайшие годы в десяти ключевых областях: привлечение новых ресурсов в ИТР; создание индийско-тихоокеанской экономической структуры; укрепление сдерживания; укрепление и расширение возможностей сплоченной АСЕАН; поддержка подъема и

регионального лидерства Индии; развитие QUAD, расширение сотрудничества между США, Японией и Южной Кореей; сотрудничество в целях устойчивого развития на островах южной части Тихого океана; поддержка «надлежащего управления и подотчетности»; поддержка открытых, устойчивых, безопасных и надежных технологий» [36, с. 59].

Одной из особенностей этого документа является его акцент на роли структуры QUAD, которая лишь однажды упоминалась в стратегии 2019 года, но теперь является одним из независимых направлений плана действий; как «ключевая региональная группа, занимающаяся вопросами, имеющими отношение к ИТР. Подчеркивается важность квартета. В контексте укрепления региональной превентивной политики также подчеркивается руководящая роль нового АУКУС.

Таким образом, новая стратегия США в Индийско-Тихоокеанском регионе по-прежнему направлена на утверждение своего доминирования в ИТР, особенно с военно-политической точки зрения. Не подчеркивая явно и четко свою «ведущую роль в ИТР», как в стратегии 2019 года, Вашингтон фактически усилил ее, заявив, среди прочего, о намерении укрепить «долгосрочные позиции и обязательства в ИТР» и «продолжать фокусироваться на соответствующих углах». Конечной целью является изоляция Китая и его региональных партнеров, использование ресурсов АСЕАН в интересах США и создание стабильной региональной торгово-экономической платформы (экономической структуры), подчиненной Вашингтону [36, с. 60].

2.2. Политика КНР в ИТР

Утверждения о том, что Китай «подрывает суверенитет соседних стран», использует «хищническую экономическую практику» и превращает другие страны в «сателлитов» [58, с. 112], также соответствуют рамкам «свободного

и открытого Индийско-Тихоокеанского региона». Укрепление позиций Китая, несомненно, является важным фактором присутствия Китая в Индийско-Тихоокеанском регионе. Взвешенная внешняя политика Китая, подкрепленная его растущей экономической и военной мощью, изменила экономическую и геополитическую ситуацию в регионе. Хотя подъем Китая принес экономические выгоды региональным странам, военная модернизация Китая и увеличение расходов на применение силы, особенно в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, вызывают серьезное беспокойство у региональных стран, включая США. Более того, хотя Соединенные Штаты остаются самой мощной страной в мире, растущая экономическая и военная национальная мощь Китая создала важное стратегическое пространство [58, с.112].

16 сентября 2021 г. Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель представил новую Стратегию ЕС в Индийско-Тихоокеанском регионе (ИТР). Презентация состоялась спустя всего несколько часов после объявления о создании альянса между США, Великобританией и Австралией, который стал причиной разрыва контракта между Францией и Австралией о поставке атомных подлодок. «Благодаря этим событиям важность стратегии только возрастает. Они показывают значение региона и необходимость нашей вовлеченности», - подчеркнул Боррель в своем выступлении перед прессой, напомнив, что ЕС вкладывает в регион в два раза больше средств, чем США (12 трлн. евро против 6 трлн.). Основная идея Стратегии заключается в том, что ЕС должен более активно взаимодействовать со странами Индийско-Тихоокеанского региона, своими единомышленниками, чтобы противостоять влиянию Китая. Это касается как торговых соглашений, так и сферы безопасности, заключения «зеленых альянсов» и других областей [58, с.112].

Китаю в Стратегии уделено отдельное внимание. В документе говорится о стремлении ЕС к «всестороннему сотрудничеству с Китаем путем диалога по общим проблемам, объединения усилий в вопросах, представляющих общий интерес, и поддержки Китая в роли ответственного игрока в мирном и

процветающем ИндоТихоокеанском регионе». В Стратегии говорится о том, что в последние несколько лет возросла геополитическая напряженность в регионе, в том числе, вокруг спорных территорий и морских зон. Отмечается, что растет уровень милитаризации региона, в том числе за счет роста военного бюджета Китая: если в 2009 г. доля ИТР в общем объеме мировых военных трат составляла 20%, то в 2019 г. она возросла до 29%. Подчеркивается, что демонстрация силы и рост напряженности в наиболее «проблемных» зонах региона, таких как Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря, а также Тайваньский пролив, могут иметь прямые последствия для безопасности и благополучия Европейского Союза [58, с.112].

Стратегия включает и вопросы экономического партнерства с Китаем: «Прогресс в ратификации Всеобъемлющего инвестиционного соглашения представляет насущный интерес и для КНР, и для ЕС». Затрагивается также необходимость сотрудничества с Китаем в таких сферах, как борьба с загрязнением океана, глобальным изменением климата. Китай во внешнеполитической повестке ЕС 16 сентября на заседании Европейского парламента был принят доклад, в котором Высокому представителю ЕС и Европейскому совету рекомендуется разработать «более сильную, комплексную и последовательную стратегию отношений с Китаем, которая бы объединила все страны-члены ЕС и сформировала отношения с Китаем в интересах Европейского Союза как единого целого». По мнению депутатов, «Китай – это партнер по сотрудничеству и переговорам с ЕС, но также и экономический конкурент, и системный противник во все большем количестве сфер взаимодействия». В докладе предлагается шесть основополагающих принципов для стратегии ЕС в отношении Китая [58, с.1123:

1. Открытый диалог и сотрудничество по вопросам глобальных проблем.

2. Усиленное взаимодействие по вопросам универсальных ценностей, международных норм и прав человека.

3. Анализ и идентификация рисков, проблемных факторов и трудностей, чтобы справиться с политическими, экономическими, социальными и

технологическими угрозами, исходящими от Китая.

4. Создание партнерств с единомышленниками.

5. Обеспечение открытой стратегической автономии, в том числе в вопросах торговли и инвестиций.

6. Защита и продвижение ключевых европейских интересов и ценностей путем трансформации ЕС в более эффективного геополитического игрока.

Депутаты также призвали продолжить сотрудничество с Китаем по вопросам прав человека, изменения климата, борьбы с последствиями эпидемии, реформирования многосторонних организаций, выразили сожаление в связи с нарушениями прав человека в Китае и призвали к учреждению регулярного диалога с Пекином о правах человека, определению «контрольных точек», позволяющих отслеживать прогресс. Европарламент рекомендует Европейской внешнеполитической службе (ЕВП) обеспечить ресурсы для борьбы с китайскими кампаниями по дезинформации, включая создание Оперативной рабочей группы по стратегическим коммуникациям, ориентированной на дезинформацию, поступающую из Китая [58, с.113]. 28 сентября по видеосвязи состоялась 11-я встреча в рамках Стратегического диалога ЕС-Китай между Высоким представителем ЕС Жозепом Боррелем и министром иностранных дел Китая Ван И. Боррель отметил, что, «несмотря на то, что до сих пор существуют противоречия, ЕС и Китай должны продолжать интенсивную совместную работу в ряде важных областей».

Стороны обсудили вопросы защиты окружающей среды и климата, обеспечения развивающихся стран вакцинами, новую Стратегию ЕС в Индийско-Тихоокеанском регионе, а также ситуацию в Мьянме и Афганистане. Высокий представитель ЕС выразил надежду на то, что следующая встреча в рамках диалога ЕС по правам человека будет проведена до конца года.

В этом контексте стороны обсудили ситуацию в Синьцзяне и Гонконге. Ван И подчеркнул, что, несмотря на то что Пекин готов идти на диалог по правам человека и сотрудничество с другими странами на основе равенства и

взаимного уважения, он не приемлет позицию партнеров как «учителей» и выступает против вмешательства во внутренние дела других стран под предлогом прав человека. Боррель подтвердил приверженность ЕС политике «одного Китая» и дал понять, что ЕС и его государства-члены заинтересованы в развитии сотрудничества с Тайванем, который они считают «единомышленником и важным экономическим партнером в регионе, без признания его в качестве отдельного государства». На неформальном ужине глав государств и правительств 5 октября в г. Брдо-приКранью (Словения) лидеры также коснулись отношений с Китаем. Председатель Европейского совета Шарль Мишель после встречи отметил, что ЕС должен преследовать «собственные интересы, особенно в отношении Китая» [58, с.114].

26 октября президент Франции Эммануэль Макрон провел телефонный разговор с председателем КНР Си Цзиньпином. Французский политик призвал своего коллегу «изменить баланс отношений между Европой и Китаем в сторону взаимности, особенно с точки зрения доступа на рынки», говорится в отчете Елисейского дворца. Макрон также призвал Си Цзиньпина ратифицировать конвенции Международной организации труда по принудительному труду, чтобы способствовать ратификации инвестиционного соглашения между ЕС и Китаем. В отношении судьбы соглашения несколько недель спустя высказался посол Китая в ЕС Чжан Мин. 16 ноября он сделал заявление о том, что ЕС должен снять санкции против Китая, если он хочет, чтобы инвестиционное соглашение было ратифицировано с китайской стороны [58, с.114].

Первый в истории Европейского парламента визит депутатов на Тайвань 21 октября Европейский парламент заявил о необходимости уделить больше внимания развитию отношений с Тайванем, особенно в политической сфере. Парламент проголосовал за доклад, в котором Высокому представителю ЕС и Европейской комиссии рекомендуется сотрудничать со странами-членами, чтобы «укрепить политические отношения между ЕС и Тайванем и стремиться к комплексному и углубленному партнерству под эгидой политики одного

Китая». По мнению депутатов, Тайвань является ключевым партнером и союзником в Индийско-Тихоокеанском регионе, представляющем собой сильный демократический режим и технологически развитую экономику.

Депутаты предлагают Комиссии рассмотреть возможность заключения двустороннего инвестиционного соглашения с Тайванем: они считают необходимым «не откладывая» начать консультации и предварительное исследование. Европарламент также призвал Комиссию и Высокого представителя ЕС осудить экономические санкции, наложенные КНР на Литву за открытие представительства Тайваня в Вильнюсе. Добавим, что представительство Тайваня в Литве, о котором было объявлено в июле 2021 г., 18 ноября приступило к работе. 3-5 ноября делегация из семи евродепутатов впервые в истории Европейского парламента посетила Тайвань. Возглавил делегацию, состоящую из членов специального комитета по иностранному вмешательству в демократические процессы и борьбе с дезинформацией, Рафаэль Глюксманн (Прогрессивный альянс социалистов и демократов, Франция).

Целью визита было изучение тайваньского опыта борьбы с иностранным вмешательством во внутреннюю политику и кампаниями по дезинформации со стороны, главным образом, Китая. Депутаты встретились с первыми лицами Тайваня, включая президента Цай Инвэнь, общественными организациями. После встречи с премьер-министром Тайваня Су Чжэньчан глава делегации Глюксманн, который входит в санкционный список КНР, отметил: опыт Тайваня «показал, что в этом регионе демократия может процветать, и что будущее – не за авторитарными режимами».

Депутат также призвал мировое сообщество активнее взаимодействовать с Тайванем, чтобы ослабить напряжение в его отношениях с Китаем. «Чем больше мы будем показывать, что мы взаимодействуем с Тайванем, тем дальше мы уходим от вероятности войны», - заявил депутат. «Это не провокация – приехать в Тайвань. Это должно быть нормой. Вот то, что мы хотим донести», - добавил он. Ранее, 27 октября, представительство

КНР в ЕС осудило визит как «серьезное нарушение приверженности Европейского Союза принципу «одного Китая», которое вредит интересам КНР и подрывает здоровое развитие евро-китайских отношений».

Климатическая повестка и результаты Климатической конференции в Глазго 21 сентября председатель КНР Си Цзиньпин объявил на 76-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, что Китай не будет строить новых угольных электростанций за рубежом. Китайский лидер, однако, не уточнил, как именно и в какие сроки будет проходить поэтапное сокращение использования угля в стране и за рубежом. Си Цзиньпин также подтвердил намерение Китая достичь пика выбросов углекислого газа к 2030 г. и углеродной нейтральности к 2060 г.

На 26-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP26) 1-13 ноября в Глазго взгляды ЕС и Китая ожидаемо разошлись. В итоговом документе, который должен был удовлетворить интересам почти 200 стран-участниц, были приняты компромиссные формулировки, согласованные в последние часы работы Конференции. Так, под давлением Индии и Китая в текст было включено обязательство всех стран, подписавших Климатический пакт Глазго «поэтапно сократить» использование угля вместо «поэтапно отказаться» от его использования, как было написано в первоначальном варианте документа. ЕС выразил недовольство в связи с этой корректировкой. Ситуация в Гонконге и Южно-Китайском море 21 октября спикер Европейской внешнеполитической службы осудил принятие новых положений о кандидатах и занятии государственных должностей, которое привело к отстранению 49 демократически избранных депутатов районных советов в Гонконге. При этом более чем 210 демократических депутатов районных советов, вынуждены были отказаться от мандатов еще до принятия нововведений. «Эти положения сводят на нет результаты выборов в районные советы в ноябре 2019 г., в которых продемократические кандидаты заняли более 80% мест.

Их исключение из политической жизни ослабляет демократическую

структуру управления в Гонконге», – заявил спикер ЕВП. Он выразил глубокое сожаление в связи с оказываемым давлением на гражданское общество и отметил, что произведенный накануне роспуск общественных организаций в очередной раз доказал, что закон о национальной безопасности оказывает негативное влияние на реализацию прав и свобод в Гонконге. Спикер призвал Китай действовать в соответствии с международными обязательствами и уважать высокую степень автономии Гонконга, его права и свободы. Спустя месяц, 21 ноября Европейская внешнеполитическая службы выступила с новым заявлением, осуждающим политику Китая, на этот раз в отношении его действий в Южно-Китайском море [58, с.114].

Поводом послужила блокировка китайскими судами береговой охраны двух филиппинских судов снабжения, следовавших ко Второй отмели Томаса, относящейся к островам Спратли – спорной территории между Китаем и Филиппинами. В соответствии с решением Постоянной палаты третейского суда в Гааге 2016 г., эксклюзивная экономическая зона и континентальный шельф вокруг островов принадлежат Маниле, однако Китай не согласен с этим решением и считает морскую зону своей. «ЕС выступает против любых односторонних действий, которые угрожают миру, безопасности и стабильности в регионе и международному порядку, основанному на правилах», – говорится в заявлении. ЕВП также упоминает о необходимости уважать свободу мореплавания и перелетов в районе Южно-Китайского моря, решать возникающие конфликты мирными средствами, в соответствии с принципами международного права. Европейская внешнеполитическая служба поддерживает и усилия АСЕАН по разработке Кодекса поведения в Южно-Китайском море, «который должен быть эффективным, содержательным, юридически обязывающим и не ущемляющим интересы третьих сторон».

2.3. Возможно ли сопряжение интересов США и Китая в ИТР?

Странные симбиотические отношения между двумя великими державами мира - США и Китаем - полные политического и, все чаще, военного соперничества, но также неразрывной финансовой и экономической взаимозависимости, формируют среду ИТР.

В ноябре 2017 года на саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам) президент США Д. Трамп официально объявил о создании «свободной и открытой индийско-тихоокеанской стратегии», которая заменит политику «перебалансировки в Азию» администрации Б. Обамы. Обамы. Политика «перебалансировки в Азию» администрации Обамы. В своем первом докладе о стратегии национальной безопасности, опубликованном месяц спустя, администрация Трампа подтвердила важность «Индийско-Тихоокеанского региона» (ИТР) для США, определив его как «обширное морское пространство, включающее Индийский океан, Тихий океан и прилегающие побережья». «Индийско-тихоокеанская стратегия Д. Трампа имеет четкую цель - противостоять расширяющемуся влиянию Китая, особенно инициативе «Один пояс, один путь». Столкнувшись с растущими позициями Китая, США пытаются найти новые подходы в Азии. Одним из них является концепция «Индийско-Тихоокеанского региона» [64, с. 34].

Территориальные споры, торговые войны и подъем группы Quadro (Четырехугольник, образованный для объединения четырех «демократий» Индийско-Тихоокеанского региона - США, Японии, Австралии и Индии) свидетельствуют об изменениях, происходящих в регионе. Китай стремится усилить свое влияние в странах региона. Тем временем внешняя политика США решила сосредоточиться на своих азиатских партнерах, расширить сферу военной ответственности США и встать на путь сближения с Индийско-Тихоокеанским регионом. Чтобы противостоять «подъему» Китая, администрация Трампа выразила желание развивать «свободный и открытый» Индийско-Тихоокеанский регион, основанный на рыночной экономике, верховенстве закона и сотрудничестве с региональными союзниками США,

особенно с Японией, Индией и Австралией. В то же время страны Юго-Восточной Азии сталкиваются с необходимостью выбора стороны в случае кризиса или военного конфликта между Китаем и США.

Появление Индийско-Тихоокеанской стратегии обусловлено желанием США создать противовес очевидному усилению позиций Китая в регионе. Индийско-Тихоокеанская стратегия направлена на защиту и продвижение национальных интересов США в регионе путем ускорения экономического и дипломатического взаимодействия с традиционными союзниками и новыми партнерами, такими как Индия и Индонезия. Она также имеет военное, стратегическое и идеологическое измерения. По сути, она обусловлена геополитическими императивами экономически растущего Индийско-Тихоокеанского региона и его влиянием на интересы и суверенитет США в регионе [64, с. 34].

Существует как минимум три основные причины появления индийско-тихоокеанской стратегии США. Во-первых, «подъем» Китая и его целенаправленная внешняя политика создали напряженность в Индийско-Тихоокеанском регионе, угрожающую военным, экономическим и политическим интересам США. Во-вторых, США нацелены на Индийско-Тихоокеанский регион для укрепления своей экономики и создания новых рабочих мест и возможностей для американцев. В-третьих, США также стремятся восстановить свои лидерские позиции в регионе в качестве тихоокеанской державы. Поэтому по мере роста геополитической значимости региона США пересматривают свое внешнеполитическое взаимодействие с ним. По словам С. Гарольда, политолога из корпорации RAND, США твердо убеждены, что переход от традиционного «азиатско-тихоокеанского» фокуса к более широкому «индийско-тихоокеанскому» будет лучше соответствовать их внешнеполитическим интересам. США также считают, что мир, стабильность и свобода судоходства жизненно важны для благополучия всего региона, включая США и Китай [64, с. 34].

Однако Вашингтон предупредил Пекин об агрессивной позиции Китая

и его территориальных претензиях в регионе, которые, по его мнению, противоречат международным нормам и дестабилизируют обстановку в регионе. Поэтому для защиты и продвижения внешнеполитических интересов США в регионе, США должны «играть более широкую и долгосрочную роль в формировании региона и его будущего» путем создания новой региональной архитектуры экономики и безопасности.

Однако стратегия ИТР США все еще развивается, и возникают вопросы относительно ее устойчивости и способности защитить союзников и партнеров в случае крупного конфликта. США утверждают, что существует «свободный и открытый Индийско-Тихий океан». Это подразумевает, во-первых, неприятие китайской инициативы «Один пояс, один путь», которую Вашингтон рассматривает как угрозу геополитическому доминированию Китая в Азии. Во-вторых, согласно принципу свободы навигации, военно-морские и военно-воздушные силы США и дружественных стран могут свободно действовать в любой точке Тихого и Индийского океанов. Попытки Китая заявить о своих территориальных претензиях в Южно-Китайском море и его территориальный спор с Японией рассматриваются как прямое нападение на принцип «свободы и открытости» [64, с. 35].

Между тем, Китай рассматривает стратегию США в ИТР как очередную попытку ограничить национальную мощь Китая и ставит под сомнение растущее взаимодействие США с региональными союзниками и развивающимися странами. Усиление военной активности Китая и националистическая риторика в Южно-Китайском море рассматриваются администрацией Трампа как стратегия Китая, направленная на то, чтобы не допустить США в свою сферу влияния.

Китай также придерживается региональной стратегии построения хороших отношений со своими соседями на востоке, юге и западе. Китай не стремится достичь этой цели через многосторонние подходы, а скорее через расширение двусторонних отношений. Такой подход Китая, безусловно, создал серьезную неопределенность и опасную ситуацию в области

безопасности в регионе.

Хотя в последние годы экономика и торговля в Индийско-Тихоокеанском регионе расширились, создавая больше возможностей для региональной экономической интеграции, неуклонная внешняя политика Китая усилила неопределенность в отношении мира и стабильности со странами региона. Более того, растущая экономическая и военная мощь Китая увеличила региональный разрыв. В результате большинство региональных союзников и партнеров США приветствовали стратегию ИТР, поскольку она поможет сбалансировать растущую экономическую и военную позицию Китая в регионе.

В то же время страны Индийско-Тихоокеанского региона стремятся поддерживать дружественные отношения с Китаем, что важно для общего мира и процветания стран региона. Более того, ни одна из сторон не может позволить себе сдерживать растущую мощь Китая в экономически взаимозависимом мире. Китай будет продолжать решительно использовать свою мощь для формирования будущей динамики региона. В этом контексте, несмотря на то, что США продолжают подчеркивать свою приверженность реализации стратегии ИТР, региональные союзники и новые партнеры США, включая Японию, Австралию, Южную Корею, Таиланд и Филиппины, ставят под сомнение способность США оказывать помощь в критических ситуациях. Появление нетрадиционных вызовов безопасности сделало региональное сотрудничество крайне важным. В последние годы процесс интеграции в Индийско-Тихоокеанском регионе набирает обороты: успешное взаимное сотрудничество в контексте сотрудничества в рамках МДТ тесно связано с быстрым экономическим ростом большинства стран АСЕАН, сопоставимыми уровнями развития, налаженными взаимными торговыми отношениями, давними историческими традициями и устоявшимися формами сотрудничества [64, с. 36].

В рамках ИТР существуют большое количество интеграционных структур, охватывающих практически весь спектр проблем, затрагивающих

страны Индийско-Тихоокеанского региона. Кроме того, интеграционные процессы в ИТР еще далеки от завершения, происходит как формирование новых структур, так совершенствование старых.

ИТР последовательно создает международную структуру, способную быстро реагировать на современные вызовы и угрозы. Согласно индийско-тихоокеанской перспективе АСЕАН, высокий экономический рост предоставляет возможности для сотрудничества в целях сокращения бедности и повышения уровня жизни миллионов людей. С другой стороны, растущая экономическая и военная мощь развивающихся стран может усилить недоверие и конфликты в регионе. Несмотря на вышеизложенную структуру, в Индийско-Тихоокеанском регионе существует несколько крупных инфраструктурных проектов, каждый из которых представляет свой взгляд на будущее ИТР [64, с. 36]:

1. АСЕАН реализует Генеральный план развития связности АСЕАН 2025 [36];

2. Китай активно развивает инициативу «Один пояс - один путь»;

3. США, Австралия и Новая Зеландия активно развивают инициативу «Один пояс - один путь»;

4. Китай активно развивает инициативу «Один пояс - один путь» [39];

5. США, Австралия и Япония разработали идею «свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского региона», в который обе страны планируют включить Индию и Австралию.

В последние десятилетия США позиционировали себя как лидера в ИТР. Однако США постепенно теряют свое влияние в регионе, поскольку на смену им приходит Китай. Реформы внутренней и внешней политики КНР, направленные на углубление межрегиональных финансово-экономических связей, нацелены на создание положительного имиджа и укрепление позиций КНР в ИТР. Однако активное проникновение КНР в регион вызывает опасения, особенно у стран АСЕАН; сотрудничество с КНР часто осуществляется на собственных условиях. Растущее влияние Тяньцзина

побуждает соседние страны искать способы защиты своих национальных интересов, и США, стремящиеся сдержать КНР, несомненно, пользуются этим. Предыдущий прогресс интеграции в регионе может быть подорван конфронтацией между двумя крупными державами. Ключевым элементом конфликта между двумя крупными державами в регионе являются их отношения со странами АСЕАН. Юго-Восточная Азия занимает важное место в ИТР, который «соединяет» Тихий и Индийский океаны, и является регионом стратегической важности как для Китая, так и для США. Однако некоторые эксперты опасаются, что ухудшение отношений между Китаем и США может привести к экономическому разрыву в АСЕАН. Торговая война между двумя крупнейшими экономическими державами мира может оказать серьезное влияние на развитие стран Юго-Восточной Азии. Согласно опросу, проведенному Институтом исследований Юго-Восточной Азии имени Юсуфа Исхака среди жителей стран АСЕАН, если регион будет использоваться как «плацдарм для конфронтации», люди будут готовы к этому [64, с. 35].

Как упоминалось выше, в 2017 году США запустили стратегию национальной безопасности для «открытого и свободного» Индийско-Тихоокеанского региона (ИТП) и стремились сделать приоритетным лидерство США в ИТП. В рамках этой стратегии США предполагают создание региональных альянсов для дальнейшего распространения американских взглядов и системы ценностей и сдерживания растущей мощи КНР. Индийско-тихоокеанская стратегия направлена на соединение Азиатско-Тихоокеанского региона с Индийским океаном, геополитическое сдерживание КНР и укрепление позиций США в регионе.

Для достижения этих целей Вашингтон намерен укреплять и развивать сотрудничество, особенно с Японией, Индией и Австралией. Главными приоритетами стратегии «открытого и свободного» МТП являются ограничение агрессивного поведения, защита суверенитета, поддержание свободной торговли и судоходства. Для эффективной реализации «открытой и свободной» стратегии национальной безопасности президента США Д.

Трампа для Индийско-Тихоокеанского региона и обеспечения безопасности региона Вашингтон должен создать новую региональную организацию в форме коалиции четырех государств («четверки»): Индии, Австралии, Японии и Соединенных Штатов (КВАД). Соединенные Штаты (QUAD). Формирование многостороннего альянса под руководством США рассматривается как потенциальная угроза собственным национальным интересам Китая и как основное препятствие для организации США «четверки» [7]. Вашингтон сохраняет военное и экономическое доминирование в регионе, но Пекин не намерен отказываться от своих позиций и может использовать традиционные методы и «мягкую силу» для оказания достаточного влияния на ИТР. Не следует упускать из виду тот факт, что Китай является важным торговым партнером и основным покупателем сырья из Индии и Австралии.

Учитывая торговое сотрудничество КНР с потенциальными союзниками США, предполагается, что Пекин будет активно использовать свое экономическое и покупательское влияние для оказания давления на эти страны. В дополнение к этому влиянию Пекин также может использовать политические и военные рычаги. В случае с Индией, по мнению некоторых китайских военных чиновников, Китай может прекратить финансирование важнейших инфраструктурных проектов, усилить военно-морские возможности НОАК в Индийском океане и укрепить военно-техническое сотрудничество с Пакистаном.

Пекин гневно отреагировал на усиление военно-морской мощи Японии в Восточно-Китайском море, разместив в водах Восточно-Китайского моря большой флот кораблей НОАК. Растущее влияние Китая вызывает беспокойство у небольших стран, которые не могут справиться с ним в одиночку. Например, лидеры Сингапура заявили, что в регионе будет создана «инклюзивная региональная архитектура» для всех участников Юго-Восточной Азии, которая может получить дальнейшее развитие в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и

Восточноазиатского саммита (ВАС).

В американской идее «открытой и свободной» СВА выявлено несколько недостатков [64, с. 36]:

Во-первых, поскольку в регионе много стран с разным уровнем экономического развития, приоритет будет отдаваться странам «четверки» за счет менее развитых стран, непосредственно затронутых Китаем,

Во-вторых, США имели опыт продвижения стратегии «ребалансировки Восточной Азии» во время президентства Барака Обамы, но не смогли сдержать стремительное расширение комплексного влияния Пекина.

В-третьих, среди Японии, Индии и Австралии до сих пор нет единого мнения о преимуществах и недостатках союза с США, поскольку сотрудничество с Китаем имеет значительные экономические выгоды. По мнению востоковеда Кузнецова, можно предположить, что чем больше нарастают конфликты и противостояние между США и Китаем в Индийско-Тихоокеанском регионе, тем больше соседние страны избегают занимать какую-либо позицию. Страны Восточной Азии, такие как Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка и Мальдивы, которые являются частью бассейна Индийского океана и имеют тесные связи с Австралией и Океанией, окажутся под влиянием двух диаметрально противоположных тенденций.

Со стороны США существуют концепции равенства, суверенитета, сохранения невмешательства во внутренние дела других стран, свободы торговли и судоходства. С другой стороны, позиции Пекина укрепились благодаря реализации крупной китайской инициативы «Один пояс, один путь». В этих условиях трудно разработать единую модель регионального сотрудничества в ИТР. Многие соседние страны хотят сохранить нейтралитет, но они не смогут полностью избежать влияния США и Китая. Идея создания альянса четырех государств для противодействия растущим интересам Китая представляется маловероятной, по крайней мере, в ближайшем будущем. Руководство КНР вряд ли позволит США стать абсолютным лидером в ИТР, поскольку Китай также заинтересован в том, чтобы стать неотъемлемой и

системной частью региона. Предполагается, что это не так. Более того, сотрудничество между Китаем и Индией имеет важное значение в регионе и может изменить баланс сил в ИТР. Китайское руководство убеждено, что стратегия США направлена на ограничение мощи не только Китая, но и Индии: любая попытка США ухудшить отношения между этими двумя азиатскими гигантами может отвлечь значительную часть их ресурсов от продуктивной работы, что позволит Вашингтону выжить в ИТР. Пекин упорно работает над реализацией Морского шелкового пути XXI века и запустил программы экономического сотрудничества со многими странами Индийско-Тихоокеанского региона.

Китай инвестирует значительные средства в крупные инфраструктурные проекты, включая нефте- и газопроводы, каналы и порты. В качестве примеров можно привести открытие военной базы в Джибути и приобретение китайской компанией China Overseas Ports Holding Ltd. порта Гвадар на Аравийском море у Пакистана. Пекин активно продвигает свое видение построения «сообщества судьбы для всего человечества» посредством массированной информационной и пропагандистской политики.

Иностранное финансирование Индийско-Тихоокеанского командования явно недостаточно для решения новых задач, поставленных Китаем. За первые 18 месяцев пребывания у власти администрация Трампа так и не объявила о значительном развертывании боевых подразделений в Индийско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, американские СМИ активно распространяют информацию о возможности переброски дополнительных подразделений экспедиционных сил морской пехоты на ротационной основе.

Независимо от вероятности материализации этих планов, постоянного и значительного перемещения американских войск в Индийско-Тихоокеанский регион не будет. Уровень военного присутствия США определяется, прежде всего, динамикой совместных операций с местными государствами и американскими военно-морскими патрульными силами в спорных водах, а не созданием новых баз. Крупнейшим примером совместных военно-морских

учений под руководством США в регионе являются учения RIMPAC (Pacific Borderlands) [64, с. 36].

Важным компонентом действий США в регионе является так называемая операция «Свобода навигации». С приходом администрации Трампа США активизировали свои операции в водах, прилегающих к островам в Южно-Китайском море, на которые претендует Китай; с марта 2017 года корабли ВМС США появляются в этих водах с интервалом в полтора-два месяца.

Такая ситуация чревата нежелательной эскалацией в отсутствие «Китайско-американского соглашения о предотвращении инцидентов в открытом море». В то же время даже американские военачальники признают, что у США больше нет средств, чтобы заставить Китай отказаться от своих позиций на Парасельских островах и островах Спратли. С развитием противокорабельного и противоракетного оружия Китай получил возможность наносить удары практически по любой цели в водах Южно-Китайского моря и установил фактический контроль. Помощь в виде инвестиций в местные страны также является средством укрепления военно-политических позиций США в регионе. Такая направленность призвана обеспечить партнеров Вашингтона большими материальными ресурсами для сдерживания возросшей активности китайского флота в спорных водах и повышения оперативной совместимости с ВМС США.

Между тем, хотя Индийско-Тихоокеанский регион является приоритетным в глобальной стратегии США, его доля в финансовых ассигнованиях на военную поддержку остается относительно небольшой. Даже с учетом количественного преимущества Пекина, США по-прежнему сохраняют подавляющее качественное преимущество. Однако наращивание военного потенциала Китая значительно увеличило потенциальные издержки участия Вашингтона, который больше не считает прямую конфронтацию приемлемой, а продолжающееся наращивание военного потенциала Китая в ИТП направлено на дальнейшее вытеснение присутствия США из

прилегающих вод Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей (за пределами так называемой «первой цепи островов»). Его цель - оказать давление, которое может привести к переориентации азиатских стран на более сильное соседство в плане безопасности [64, с. 36].

В то же время Китай стремится увеличить свое присутствие на ключевых морских путях в Мировом океане. Вооруженные силы США теряют способность единолично поддерживать баланс сил в Индийско-Тихоокеанском регионе, в то время как Китай создает силу, способную бросить вызов региональному порядку. Сравнивая военные возможности двух стран, аналитики отмечают, что, в отличие от США, Китай быстро превратил свои вооруженные силы в реальную боевую силу.

Конечно, 113 миллионов долларов, обещанных Америкой, не могут конкурировать с триллионами долларов, которые Китай хочет потратить на свою амбициозную инициативу «Один пояс, один путь». Обещанные Америкой 113 миллионов долларов не могут конкурировать с 1 триллионом долларов, которые Китай хочет потратить на свою амбициозную инициативу «Один пояс, один путь» (программа, включающая проекты между Китаем и более чем 60 странами Азии). Представленная администрацией Трампа «Индийско-Тихоокеанская перспектива» предполагает, что $113 млн - это лишь начальная сумма, которую правительство США готово инвестировать в ближайшее время в проекты в регионе. Уже несколько месяцев власти США говорят о создании нового агентства - Агентства США по международной финансовой корпорации развития (USAIDFC) с бюджетом около 60 миллиардов долларов. Эти средства будут использованы для реализации различных инициатив. Эти средства будут использованы для реализации инициатив по завоеванию индийско-тихоокеанского рынка. Правительство США хочет привлечь как можно больше партнеров в регионе. Конечно, 113 миллионов долларов, обещанных американской стороной, будет недостаточно. Обещанные США 113 миллионов долларов не могут конкурировать с 1 триллионом долларов, которые Китай потратит на свою

инициативу «Один пояс, один путь». Конфликты внутри ИТП Конфликты между интересами США и Китая в Индийско-Тихом океане происходят в основном в акватории Южно-Китайского моря, которое Пекин считает стратегически важным в регионе [64, с. 36].

Вашингтон убежден, что американские вооруженные силы могут противостоять усилиям Китая по установлению границ в Индийско-Тихоокеанском регионе для ограниченного использования другими странами. Большая часть внимания правительства США сосредоточена на перехвате китайских баллистических ракет в регионе. Чтобы пресечь попытки усилить потенциальные угрозы со стороны своих противников, Вашингтон разработал стратегию «динамического развертывания сил», которая расширяет возможности развертывания американских сил на большей части Азии и Европы. Другая стратегия, «Глобальная операционная модель», фокусируется на конкретных способах применения силы, как на этапе враждебности, так и в ходе непосредственных боевых действий. Сегодня основным направлением деятельности Министерства обороны США является развитие стратегических ядерных сил, расширение возможностей тактического оружия и дальнейшее развитие кибертехнологий. Также совершенствуются информационно-коммуникационные системы с упором на повышение мобильности стратегических сил и совершенствование оборонных технологий.

В будущем баланс сил и конкуренция в ИТР будут происходить в двух областях: экономика и безопасность. В экономической сфере конкуренция, как ожидается, проявится в связи с различными подходами стран Восточной Азии к развитию инфраструктуры. Эта конкуренция затронет не только Китай, но и коалицию «четверки» во главе с США. Приверженность «либеральным ценностям» является общей для этих стран и создаст некоторые альтернативы, направленные на ослабление геополитического доминирования Китая в Азии. По отношению к этим странам США будут предоставлять «открытые» и «свободные» проекты развития инфраструктуры, что позволит этим странам стать эксклюзивными участниками региональной интеграции.

С помощью инфраструктурных проектов США смогут вовлечь больше стран ИТР в систему свободной торговли и противостоять растущей экономической мощи Китая. В области безопасности в Индийско-Тихоокеанском регионе будут освещены вопросы, связанные со свободой судоходства и морской торговли, а также морской и авиационной безопасности. США с их либеральными ценностями будут требовать свободного передвижения своих военно-морских и военно-воздушных сил и сил своих союзников, желающих войти в любую часть Тихого или Индийского океана, на основе принципа свободы судоходства. В конечном итоге это приведет к прямой конфронтации между Пекином и странами, чьи корабли вторгаются в воды, которые Китай считает своими [64, с. 36].

Таким образом, форма диалога «четверки» по вопросам политики безопасности будет направлена на экспансионистский курс за счет других стран региона, опасающихся растущей экономической и военной мощи Китая. Однако следует отметить, что полноценный военный блок на основе альянса «четверки» или других форм регионального сотрудничества вдоль оси противостояния США-Китай вряд ли возникнет в ближайшем будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Индийско-Тихоокеанский регион (ИТР) в последнее время стал играть важную роль в мировой политике. От динамики происходящих в нем процессов во многом зависит стабильность мировой политической системы, он также является ареной стратегической деятельности великих держав и их геополитического соперничества.

Индийско-Тихоокеанский ареал, который Вашингтон определяет как пространство «от западного побережья Индии до западного побережья США», – это зона ответственности 3-го и 7-го флотов США. Для господства над регионом обязательным условием является контроль над государствами Восточной Азии - Японией, обеими Кореями, Монголией и Китаем.

Американская политика сдерживания Китая предполагает тесное сотрудничество с Индией – второй великой азиатской державой. К2030 году население Индии по численности превзойдёт численность населения Китая. Средний возраст населения Индии (25 лет) моложе среднего возраста населения Китая, а темпы роста индийской экономики уже сегодня опережают темпы роста китайской.

Понимая это, Пекин сближается с Пакистаном, историческим противником Индии, и государствами Юго-Восточной Азии, (Филиппины, Мьянмаидр.). Мощным фактором риска для Пекина остаётся зависимость от поставок энергоресурсов из Африки и Ближнего Востока через узкий Малаккский пролив. Через этот перешеек между материками-островами идёт до 80% всех перевозок.

Индийская стратегия «Смотри на Восток, действуй на Востоке» (Look East,Act East), направленная на сближение со странами Юго-Восточной Азии, грозит Китаю усилением контроля Индии над примыкающей к Малакке восточной частью Тихого океана. В последние годы Индия развивает военную инфраструктуру Андаманских и Никобарских островов, откудалегко контролировать узкое горлышко Малаккского пролива.

В целом строительство новых баз, морских портов, заключение соглашений и меморандумов о сотрудничестве между государствами так называемого Индийско-Тихоокеанского ареала говорит о том, что здесь нарастает опасность крупномасштабного военного противостояния.

Взаимодействие КНР и США занимает одно из центральных мест в отношениях великих держав в современной мировой политике, а в последние годы стратегическое соперничество между ними стало важной международной темой, поскольку напряжённость в этой сфере имеет тенденцию к росту.

Ухудшение отношений с КНР в сфере безопасности стало одним из основополагающих факторов, позволивших США, Японии, Индии и Австралии странам Четвёрки, вернуть себе диалог по безопасности. Тем не менее эти отношения остаются тесными.

Согласно концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», регион находится в стадии строительства под руководством США, и в нём ещё много противоречий и неопределённостей. Однако при реализации стратегии, как считают в Вашингтоне, не следует игнорировать и геополитическую концепцию ИТР. Это можно увидеть в изменении геостратегической концепции США и смещении стратегического фокуса, а также в стратегических ожиданиях и автономном выборе стран Четвёрки. ИТС-2022 подчёркивает идеологический мини-мультилатерализм и уменьшает независимость геополитической структуры Большой Восточной Азии. Эти изменения добавили более сложные факторы в геополитику Северо-Восточной Азии, усилили дихотомичность политической модели стран региона и привели к новым стратегическим давлениям и геоэкологическим вызовам для КНР. Одним словом, коллективное продвижение геополитической концепции ИТР Четвёркой окажет влияние на существующую региональную политическую систему: продолжат появляться негативные элементы в отношениях между крупными державами, будут затронуты старые механизмы региональной политики, экономики и

сотрудничества, а концепция суши, моря и воздуха в геополитике будет вынуждена измениться.

Индийско-Тихоокеанский регион является важным игроком в мировой политике, а его стабильность зависит от происходящих в нем процессов. Для США контроль над этим регионом является важным условием для господства в нем, а для этого необходим контроль над государствами Восточной Азии.

1. Регион Индо-Тихоокеанский находится в стадии строительства под руководством США.
2. Реализация концепции «Свободного и открытого ИТР» не должна игнорировать геополитическую концепцию ИТР.
3. Изменение геостратегической концепции США и смещение стратегического фокуса, а также стратегические ожидания и автономный выбор стран Четверки, сказались на геополитике региона.
4. ИТС-2022 уменьшил независимость геополитической структуры Большой Восточной Азии и привел к новым вызовам для КНР.
5. Продвижение геополитической концепции ИТР Четверкой окажет влияние на существующую региональную политическую систему.
6. Изменения в геополитике приведут к сложностям в отношениях между крупными державами и изменению концепции суши, моря и воздуха.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андронова Л.А., Ван Ч. Позиции США, Китая и Индии по поводу формирования нового Индийско-Тихоокеанского региона // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 90-95.
2. Бурлаков В.А., Владимирова Д.А., Гарусова Л.Н., Дышин А.В., Журбей Е.В., Паначёва А.С., Родионов В.А., Самойленко П.Ю. От Азиатско-Тихоокеанского к Индийско-Тихоокеанскому региону: концепт и воплощение // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3 (58). С. 48-60.
3. Васильев В.С., Чудинова К.О. Свободный и открытый Индийско-Тихоокеанский регион как новая основа японской торговой политики в АТР // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 4 (16). С. 21-30.
4. Гарусова Л.Н. Антикитайский вектор а ролитике «свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского региона» Президента Трампа (2017-2021 ГГ.) // Клио. 2021. № 2 (170). С. 54-61.
5. Годованюк К.А. Приоритеты Великобритании в Индийско-Тихоокеанском регионе // Современная Европа. 2020. № 1 (94). С. 37-49.
6. Горлов А.А. Энергетика океана в странах Индийско-Тихоокеанского региона // Энергия: экономика, техника, экология. 2022. № 10 (454). С. 18-32.
7. Добринская О.А. Японский подход к четырехстороннему сотрудничеству Индийско-Тихоокеанском регионе // Ежегодник Япония. 2021. Т. 50. С. 9-31.
8. Дун Т. Культурные различия в Индийско-Тихоокеанском регионе. Взгляд на проблему с точки зрения Китайско-Индийского стратегического противостояния в районе доклам // Культура в фокусе научных парадигм. 2022. № 14-15. С. 159-165.
9. Ермаков Д.Н. Новый курс японской военной политики: обеспечение открытости безопасности Индийско-Тихоокеанского региона // В сборнике: Право, экономика и управление: теория и практика. Сборник

материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2022. С. 270-274. 0

10. Журавлев О.В., Тушков А.А. Индийско-Тихоокеанский регион: готова ли Россия к морскому присутствию в этой отдаленной морской зоне? // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52). С. 2742-2750.

11. Забелла А.А., Пенькова Е.А., Фивейская М.С. «Один пояс, один путь» VS. «Свободный и открытый Индийско-Техоокеанский регион»: соперничество за региональную интеграцию (взгляд из Индии и Японии) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 4. № 4 (53). С. 5-19.

12. Зайнуллин Т.Р. Стратегия США в Индийско-Тихоокеанском регионе и отношения с КНР // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 12. С. 2633-2637.

13. Казаков М.С. Развитие интеграционных инициатив в Индийско-Тихоокеанском регионе // В сборнике: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы X международной научно-практической конференции. 2020. С. 852-858. 0

14. Канаев Е.А., Королев А.С. Большая Евразия, Индийско-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 26-43.

15. Кассаб Х.С. Что такое Индийско-Тихоокеанский регион? Генеалогия, секьюритизация и многополярная система // Обзор китайской политической науки. – Режим доступа: и https://doi.org/10.1007/s41111-023-00233-z.

16. Кистанов В.О. Антикитайская стратегия Японии в Индийско-Тихоокеанском регионе // Актуальные проблемы современной Японии. 2018. № 32. С. 31-44.

17. Китаев Р.В. Противоборство между США и Китаем в рамках Индийско-Тихоокеанского региона на современном этапе // В сборнике: Мировой политический процесс: информационные войны и «цветные революции». Сборник материалов Международной научно-практической

конференции. Москва, 2022. С. 304-310.

18. Косарев А.С., Курныкин О.Ю. Концепт «альянс демократий» в Индийско-Тихоокеанском регионе во внешней политике администрации Д. Трампа // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2021. № 18. С. 46-48.

19. Куприянов А.В. QUAD и безопасность Индийско-Тихоокеанского региона // В сборнике: Ежегодник СИПРИ 2020: Вооружения, разоружение и международная безопасность. Москва, 2021. С. 809-820.

20. Куприянов А.В. Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции Индийско-Тихоокеанского региона // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 68-75.

21. Куприянов А.В. Сотрудничество России и Индии в Индийско-Тихоокеанском регионе в условиях санкций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 3. С. 117-135.

22. Лексютина Я.В. Роль Китая в стратегии «свободный и открытый» Индийско-Тихоокеанский регион Д. Трампа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 22-34.

23. Леленкова А.В. Переход к стадии «особого» партнерства между Японией и Индией и усиление сотрудничества в сфере безопасности в Индийско-Тихоокеанском регионе // В книге: Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. Санкт-Петербург, 2017. С. 385-424. 0

24. Леонова О.Г. Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индийско-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 3. С. 194-211.

25. Лобов Р.Н. Концепция Индийско-Тихоокеанского региона: южнокорейский аспект // В сборнике: Корейский полуостров в поисках мира

и процветания. В 2-х томах. 2019. С. 171-178.

26. Лунев С.И. Россия и Индия в Индийско-Тихоокеанском регионе и фактор США // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1 (105). С. 182-212.

27. Максимов Н. Геополитическая ситуация в Индийско-Тихоокеанском регионе // В книге: COLLEGIUM LINGUISTICUM – 2019. тезисы докладов Ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. 2019. С. 172.

28. Мельникова Ю.Ю. Стратегия ЕС в Индийско-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 31-37.

29. Милеев Д.А. Усиялия Японии по созданию «свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского региона» // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2021. № 7. С. 307-316.

30. Милый А.А. Создание AUKUS как фактор, дестабилизирующий Индийско-Тихоокеанский регион // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2022. Т. 2. № 14-1. С. 226-229.

31. Морозов Ю.В. Индийско-Тихоокеанская стратегия Д. Трампа как угроза национальным интересам Китая и России в регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 6 (363). С. 1166-1180.

32. Панина Е.А. Сотрудничество США со странами Индийско-Тихоокеанского региона по вопросам энергетической безопасности // В сборнике: Актуальные проблемы востоковедения. Материалы IX Международной научно-практической конференции по востоковедению. Редколлегия: И.Н. Гущина (отв. ред.) [и др.]. 2020. С. 272-282.

33. Пасхальный П.И. Индийско-Тихоокеанский регион в планах США на современном этапе // В сборнике: Гуманитарные чтения. сборник статей. Редколлегия: А.В. Милежик, (отв. ред.), Н.А. Шабельникова, А.В. Усов, З.В. Якимова. Владивосток, 2021. С. 79-86.

34. Песцов С.К. Концепция свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского региона: общее в многообразии интерпретаций // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 24. № 4. С. 111-131.

35. Петровский В.Е. Концепция «Индийско-Тихоокеанского региона» как попытка переформатирования региона // Аналитические записки ИКСА РАН. – 2022. – № 1. – С. 52-56.

36. Петровский В.Е. О новой «стратегии США в Индийско-Тихоокеанском регионе» // Аналитические записки ИКСА РАН. 2022. № 1. С. 57-60.

37. Поздняков Е.И. Концепция Индийско-Тихоокеанского регионаи ее отражение во внешней политике США // В сборнике: Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. материалы выступлений Международного форума историков и «круглых столов». Хабаровск, 2021. С. 42-55.

38. Пономарев Н.В. Влияние военно-политических процессов в Индийско-Тихоокеанском регионе на систему безопасности в северо-восточной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 4. С. 108-118.

39. Потапкина А.В. Противостояние проектов «один пояс, один путь» и «свободного и открытого Индийско-Тихоокеанского региона» // В книге: Глобальная конкуренция США и КНР. Москва, 2022. С. 49-60.

40. Пузыня Н.Н. К вопросу о проблеме понятия «регион» в геополитике (на примере Индийско-Тихоокеанского региона) // В сборнике: Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы. В двух томах. Научный редактор Ю.А. Зуляр. 2019. С. 217-220.

41. Рамич М.С., Коростелева Е.И., Горбиль П.Р. Трансформация американоцентричной системы региональной безопасности Индийско-Тихоокеанском регионе в 2012-2020 ГГ. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 81-95.

42. Рогожина Н.Г. Индийско-Тихоокеанский регион глазами АСЕАН // В сборнике: Запад – Восток – Россия 2019. Ежегодник. Москва, 2020. С. 141-143.

43. Рогожина Н.Г. Региональная безопасность в юго-восточной Азии в контексте американского проекта «Индийско-Тихоокеанский регион» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 338-353.

44. Роот А.К. Индийско-Тихоокеанский регион как геополитический конструкт: состояние и перспективы // В сборнике: Место Азиатско-Тихоокеанского региона в современных международных отношениях: проблемы безопасности и перспективы развития. Сборник статей. 2017. С. 158-161.

45. Скипина В.М. Китайская инициатива «пояс и пути» и американский проект «Сеть голубых точек» как альтернативные проекты стратегического и инфраструктурного соперничества в Индийско-Тихоокеанском регионе // В книге: Ключевые слова. Сборник тезисов по итогам II студенческой конференции Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Тюмень, 2022. С. 226-229.

46. Смоляков В.А. Индийско-Тихоокеанский регион как геополитический конструкт и реальность // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Т. 16. № 2. С. 87-93.

47. Смоляков В.А., Захарова Т.И. Пути, формы и уровни экономической интеграции стран Индийско-Тихоокеанского региона и ЕАЭС // В сборнике: Социально-экономические проблемы в пространстве ШОС и пути их решения. материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 34-38.

48. Стаценко Т.В. Фактор США в формирующемся Индийско-Тихоокеанском регионе // В сборнике: Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VI Международной научной конференции. Под общей редакцией С.В.

Беспаловой. Донецк, 2021. С. 175-178.

49. Стрельцов Д.В. Индийско-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 65-74.

50. Телегин Д.С. Теоретические основы политики США по содержанию КНР в Индийско-Тихоокеанском регионе // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77). С. 218-222.

51. Титов В.П. Индийско-Тихоокеанский регион: динамика проблем безопасности // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2017. № 1. С. 176-196.

52. Титов В.П. Политика индии как фактор стабилизации геостратегического пространства в Индийско-Тихоокеанском регионе // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2018. Т. Выпуск 4. С. 227-254.

53. Титович А.М., Атнашев В.Р. Интернациональные процессы в юго-восточной Азии в контексте развития Индийско-Тихоокеанского региона (2010-2020-Е ГОДЫ) // Россия в глобальном мире. 2019. № 14-15 (37-38). С. 94-119.

54. Тушков А.А., Оселедец А.Г., Тушков А.А. Сценарии развития стратегии внешнеполитического курса соединенных штатов в Индийско-Тихоокеанском регионе // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 5 (39). С. 369-379.

55. Тушков А.А., Тушков А.А. Военно-морское присутствие США в Индийско-Тихоокеанском регионе в контексте глобальной внешнеполитической стратегии // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2-2 (104). С. 168-174.

56. Уянаев С.В. Подходы Китая к концепции Индийско-Тихоокеанского региона и ее влияние на трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая // В книге: Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте Индийско-Тихоокеанской стратегии США. Сборник

статей. Москва, 2022. С. 154-167.

57. Фомичева Е.А. Перспективы строительства Тайского канала как транспортного коридора в контексте Индийско-Тихоокеанского региона // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 2. № 3 (44). С. 44-56.

58. Чижевская М.П. ЕС-Япония: сотрудничество в Индийско-Тихоокеанском регионе призвано сдержать Китай // Европейский Союз: факты и комментарии. 2021. № 106. С. 112-115.

59. Чихачев А.Ю. Основы современной внешней политики Франции в Индийско-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 1 (838). С. 111-123.

60. Чихачев А.Ю., Гуляев Е.В. Стратегии Франции и Германии в Индийско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 5. С. 59-67.

61. Шарипов У.З. Реальность и проблемы политических и экономических связей в Индийско-Тихоокеанском регионе // В книге: Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика. Коллективная монография. Гл. редактор Я.О. Захарьев. Москва, 2021. С. 121-142.

62. Шевелёв В.А. Трансформация геостратегического пространства Азии. Возможности и перспективы России в Индийско-Тихоокеанском регионе // В сборнике: Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность. материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского. Санкт-Петербург, 2021. С. 746-760.

63. Галищева Н.В., Небольсина Е.В. США и Китай во внешнеэкономической политике Индии: в поисках баланса для сохранения стратегической автономии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 304-324.

64. Юнюшкина А.С., Шаповалова К.А., Кудакаев Р.Ф., Понька Т.И. Позиции Китая и США в Индийско-Тихоокеанском регионе // Международные отношения. 2020. № 2. С. 34-54.

65. Яньбинь У. Основа геополитической концепции «Индийско-Тихоокеанского региона» // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77). С. 267-272.

66. Mosyakov D. INDO-PACIFIC CONSTRUCT EMERGING ARCHITECTURE // South East Asia: Actual Problems of Development. 2019. Т. 2. № 4 (45). С. 5-9.

Здравствуйте. Позвольте представить вашему вниманию свою дипломную работу на тему: Геополитическое соперничество США и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе в 2020-х гг.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Индо-Тихоокеанский регион – это один из наиболее динамичных развивающихся регионов, где сосредоточены экономические, военные и геополитические интересы глобальных акторов.

Обратите внимание на степень научной разработанности.

Объект и предмет исследования представлены на слайде.

Цель работы является изучить особенности геополитического соперничества США и Китая в Индийско-Тихоокеанском регионе в 2020-х гг.

Задачи исследования выявлены на слайде.

Теоретическими основами исследования являются труды отечественных и зарубежных авторов.

Исследователи, которые представлены в моей дипломной работе также представлены на слайде: Андронова Л.А., Ван Ч., Дун Т., Кассаб Х.С., Фомичева Е.А.

К вашему внимаю представляются методы исследования, которые были использованы в работе.

Итак, в первой главе раскрывается Инд2о-Тихоокеанский регион как региональный актор.

Вторая глава посвящена анализу основ сотрудничества и соперничества США и КНР в Индийско-Тихоокеанском регионе.

в первой главе работы рассматриваются теоретические основы написания диплома за 2 часа. Анализ вопроса показал, что особенности данного процесса следующие: диплом пишется преимущественно в ночные часы, зачастую в соавторстве. Положительное влияние на процесс оказывает чрезмерное потребление кофе и передозировка шоколадом. Подробнее:

Вторая глава работы посвящена практическому исследованию. Результаты исследования подтверждают теоретические положения, приведенные в первой главе.